

В ПОГОНЕ ЗА ХИМЕРОЙ

НЕВЕСТА

18+

ИЗ

УДАЙТЧЕПЕЛА

АТУНА КОЙДЕРГЕМ

Невеста из Уайтчепела

Атуна Койдергем

Невеста из Уайтчепела

«Автор»

2017

Койдергем А.

Невеста из Уайтчепела / А. Койдергем — «Автор»,
2017 — (Невеста из Уайтчепела)

Конец XIX века. Викторианская Англия. Время строгих правил и незыблемых устоев. Девушке без имени и состояния нелегко устроить свою судьбу в обществе, полном предрассудков. Поиски выгодной партии в столице могут обернуться трагедией для наивной соискательницы, не обладающей жизненным опытом и доверчиво взирающей на большой город. Среди множества незнакомых людей нетрудно запутаться, приняв злодея за добряка, а свою любовь - за случайного встречного. Вместо объятий любящего жениха она рискует угодить в лапы маньяка. Тем более в это время в Лондоне орудует серийный убийца, известный как Джек Потрошитель...

© Койдергем А., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Том 1	6
Глава 1. Вечерний Лондон	6
Глава 2. В поиске	8
Глава 3. Таинственный иностранец	11
Глава 4. Совет	20
Глава 5. Мистер убийца	24
Глава 6. Он вернулся	33
Глава 7. Свидетельница	38
Глава 8. Его поместье	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Атуна Койдергем

Невеста из Уайтчепела

Предисловие.

Здравствуй, дорогой читатель! Спешу представить твоему вниманию свое первое произведение и надеюсь, что ты будешь не слишком строг. Мне понадобилось несколько лет, чтобы довести его до конца, отразив все, что было задумано. Надеюсь, оно скрасит твой досуг и развлечет тебя в те моменты, когда ты в этом нуждаешься.

Вдохновлено реальными событиями...

Том 1

Глава 1. Вечерний Лондон

Вечерний Уайтчепел с некоторых пор стал представлять собой самое опасное место в Лондоне. Перенаселенный голодными ирландскими эмигрантами, этот район был наиболее беднейшим в столице и таил в себе множество угроз. За день здесь происходили десятки преступлений. Нищета толкала жителей на отчаянные поступки. В отсутствие работы мужчины ступали на путь грабежа и насилия, а женщины были вынуждены продавать себя. Мирные горожане боялись выходить за порог после заката. Матери не отпускали детей на улицу. Отцы семейств не носили жалованье в кошельках, а прятали в потайных карманах, опасаясь разбоя.

Последний луч заходящего солнца скрылся за крышами домов. И почти сразу же сделалось холодно. Поежившись, Марта запахнула платок. Она стояла возле фонаря на перекрестке, когда ближе к полуночи заметила, что какой-то высокий господин смотрит на нее с противоположной стороны улицы. Небрежно поправив потрепанные юбки и корсет, девушка перешла дорогу и раскованной походкой двинулась к незнакомцу.

– Скучаешь, красавчик? – улынулась Марта, кокетливо склонив голову. – Если хочешь, я сопровожу тебя... Всего за шиллинг... – Марта накрутила на указательный палец один из своих локонов, хвастливо демонстрируя длину волос, отдающих на кончиках в рыжину. Это было непреложное действие, с которого Марта начинала знакомство. Как, впрочем, неизменным являлось и обращение к потенциальному клиенту. Каждого мужчину, независимо от его возраста и внешности, Марта звала красавчиком.

Незнакомец молча рассматривал заговорившую с ним девушку. В его глазах не было того интереса, который обычно приветствовал Марту в мужских взглядах. И все же незнакомец утвердительно кивнул в ответ.

Придерживая рукой край подола, Марта едва успевала перешагивать лужи и выбоины. Они не разговаривали по пути. Мужчина молчал. А Марта после неудачных попыток затеять беседу тоже смолка. Почти каждый вечер она гуляла по грязным переулкам в поисках заработка и за это время усвоила две вещи. Во-первых, не все мужчины любят слушать ее болтовню. А во-вторых, каждая прогулка может оказаться для нее последней. Немного пугает, когда клиент молчит. Но ведь такое все-таки случается время от времени. И чувство страха притупляется неизменной и неизбежной привычкой. Нельзя забывать об опасности, но нельзя и думать о ней постоянно.

Наконец они подошли к часовне, огороженной высоким забором. Час был поздний, и ворота оказались закрыты. Незнакомец потянулся к калитке, и, на удивление Марты, та поддалась. Мужчина пропустил Марту вперед, в тень сада, а после вошел и сам, затворив за собой калитку.

– Ты что, священнослужитель? – усмехнулась Марта, подняв глаза на высокий купол часовни. Ответа на ее реплику не последовало. – Кстати... У меня был один знакомый священник... И знаешь, он ничем не уступал другим мужчинам. Я бы даже сказала, превосходил их, – делилась Марта воспоминаниями, пока незнакомец вел ее за руку к небольшому флигелю. Возле этого хозяйственного строения был вкопан высокий стол на двух мощных основах, похожий на верстак. Возле него валялось какое-то корыто и позабытые кем-то инструменты. Видно, еще днем тут что-то ремонтировали. – Ты не будешь возражать, если я получу оплату вперед, святой отец? – пошутила Марта, когда незнакомец остановился возле верстака.

Марта не сводила внимательных глаз со своего молчаливого спутника. Как-то раз ее обманули, не заплатив. И теперь она уже не так доверчива.

– Возьми, – незнакомец достал из кармана кожаный бумажник и отсчитал Марте сумму в два раза большую, чем она запросила.

– Какое красивое кольцо! Камень настоящий? – Марта забрала деньги, попутно разглядывая золотой перстень на руке мужчины, выделанный в форме змеи, обвившейся вокруг огромного рубина. – Какой ты щедрый. Я люблю таких, – заулыбалась довольная Марта, пряча зарплату. – Что ты хочешь? Скажи, не стесняйся. Для тебя я сделаю все, мой священник, – пообещала воодушевленная Марта.

– Повернись, – незнакомец развернул Марту к себе спиной.

– Как скажешь, – девушка облокотилась на верстак. – Как тебя зовут? – болтала Марта, пока незнакомец чем-то шуршал за ее спиной. – Меня зовут Марта. Ты всегда можешь спросить обо мне, если что... – Марта подняла глаза к небу и еще раз оглядела купол часовни. Это было последнее, что она видела. Уже в следующий миг острая бритва полоснула ее горло. Кровь хлынула на деревянную столешницу багряным фонтаном.

Глава 2. В поиске

День выдался холодным и пасмурным. Если бы на календаре не значился август, можно было бы решить, что на дворе господствует осень. Порывы ледяного ветра неистово рвали листву, гоня ее пыльными клубами по мощеным переулкам. Зябнувшие сонные жители, недовольно бурча под нос, спешили на работу. Зато веселые лавочники уже отворили ставни, предлагая горячий пунш тем, кто хочет согреться. Трактиры манили ароматами посетителей, желающих позавтракать яйцами и овсянкой с медом. Даже некоторые пабы, обычно закрытые в это время суток, приоткрыли дверки.

В один из таких пабов-кабачков под звон дверного колокольчика этим утром вошла девушка. В ее руках были свертки, из которых выглядывали неясные предметы. Приглядевшись, можно было различить краски, холсты и несколько свернутых в трубочки рисунков. Девушка была одета в светлое бежевое пальто с большими карманами и массивными деревянными пуговицами. Повязанный в несколько оборотов шерстяной шарф игриво свешивался с ее плеча. Выглядывающие из-под шляпки огненно-рыжие волосы рассыпались медным каскадом. Девушка была красива и молода. И если бы пришла в сопровождении, то сошла бы за благородную леди. Но все-таки она была одна. У нее не имелось ни состояния, ни имени семьи.

Проследовав вглубь помещения, Эмили огляделась по сторонам. Занавески задернуты. Официанты отсутствуют. Пустынно. Впрочем, это, кажется, не совсем так. За одним из столов сидят двое посетителей, о чем-то увлеченно толкующих. Перед ними разложены какие-то документы. Мужчины пререкаются. Слышны противоречия. Вот для таких-то гостей и открываются двери этого заведения в неурочное время. Или не закрываются с ночи.

Заприметив тихий уголок, девушка уложила там свои скромные пожитки. Затем подошла к стойке, где бармен самозабвенно тер стаканы льняным полотенцем.

– Гари, приветствую! – девушка нетерпеливо постучала монетой по столешнице.

– О, Эмма Блэйд! Добро пожаловать! – вернув сияющий стакан на полку, бармен вернулся к гостье. – Ты уже здесь? Дурной знак! Ха-ха! Ну что, опять не повезло? – улыбался бармен, перекинувшись через стойку.

– За три злосчастных дня я облазила почти весь этот проклятый город, – вздохнула Эмили. – Сейчас утро, а я уже побывала в двух местах. И отовсюду меня гонят с моими картинами почти пинками. Я уже начинаю думать, что мне придется вернуться в свою деревню в разорении и позоре! – Эмили говорила с жаром, не присущим англичанке в обычных обстоятельствах. Вероятно, ее переживания были чересчур сильны. А может, она просто не могла усвоить, каковой полагается быть английской деве на людях – сдержанной, молчаливой и манерной. – Мне бы чашку чаю. Я замерзла... – Эмили шмыгнула носом.

– Может быть, сытный завтрак? Яйцо-пашот, жареный бекон, фасоль в томатном соусе и тосты?... – перечислил Гари со вкусом.

– Ну, нет... – с унылым вздохом Эмили покачала головой. Разумеется, ей хочется перекусить. От его слов у нее даже заурчало в пустующем желудке. Но она не может позволить себе тратить последние деньги на еду в заведении, да к тому же по завышенной цене. – Только чай. Погреюсь.

– Скотч? Джин? – бармен указал на бутылку с яркой этикеткой. – Крепкий. И несильно дорогой.

– Нет, благодарю, – улыбнулась Эмили. С Гари она случайно познакомилась в свой первый день пребывания в Лондоне. Они виделись всего пару раз в этом самом заведении. Но за неимением рядом близких людей посоветоваться можно и с барменом.

– Я не понял, ты хочешь согреться или нет? – усмехнулся Гари. – Брось эти провинциальные манеры и выпей, – посоветовал Гари. – Поверь мне, это действенное средство.

– Возможно... Но я, признаться, никогда раньше... – Эмили не успела договорить.
– Никогда раньше не пробовала крепкие напитки?! – перебил Гари, картинно выпучив глаза.

– Нет, но... То есть я имела в виду, что... – запуталась Эмили.

– Все когда-то бывает впервые. Ты в Лондоне. И здесь тебя ждет уйма всего нового. И запомни: этот город всех портит. Это всегда, – Гари обернулся к полке с напитками. – Я наливаю...

– Пусть так... – кивнула Эмили, расстегивая пальто. – Гари, что же мне делать? Посоветуй. Насчет работы...

– Я посоветую. Тебе не работа нужна, а богатый жених, – подмигнул Гари. Наивность Эмили бросалась в глаза. Оттого, наверное, с ней многие разговаривали добро и просто, не затрагивая реальности или лишь намекая на нее.

– О, Гари... – Эмили отрицательно помотала головой. С замужеством у нее не клеилось. Возможно, еще не пришло время. Так она постоянно себя утешала, глядя на пары, разгуливающие под руку. Или, к примеру, мужчина несет в руках молитвенник дамы сердца, когда они вместе возвращаются из церкви. Это жених и невеста. У них уже все решено, они лишь ждут своей даты.

– Что? Так уж не везет? – уточнил Гари, забрасывая полотенце на плечо.

– Ты даже не представляешь себе... – из уст Эмили подобное признание казалось неправдоподобным. Ведь она была очень хороша собой. Ее лицо имело правильные черты, ее кожа сияла здоровьем и свежестью, ее фигура была женственной и необыкновенно ладной. Но самое главное, что никого не оставляло равнодушным – ее зеленые глаза, в которых то и дело вспыхивали игривые огоньки.

– Знаешь, что... Возможно, у тебя слишком большие запросы... Или просто ты еще не встретила того единственного... Или... Что там еще принято говорить в таких случаях... – Гари и Эмили переглянулись, рассмеявшись. Вопросы замужества были трудно решаемы для множества женщин. Англия не терпела мезальянса. И для бедной девушки найти себе состоятельного жениха было невозможно и недопустимо. Только ровня. Но и тут встречалось немало преград, преодолеть которые было подчас труднее, чем вообще отказаться от замужества. – Вот что я тебе скажу. Это даже хорошо, что тебе попадаются неподходящие парни. Ведь когда ты наконец выйдешь замуж, то окажешься в состоянии оценить тихую семейную гавань... Очарование домашнего юта...

– Может и так... – кисло отозвалась Эмили, которая уже сейчас была бы рада оценить тихую семейную гавань. – Так что, Гари? Как мне быть с работой?

– С работой... – Гари почесал затылок. – А не следует ли тебе отринуть звание художника и поискать более приземленное, но приносящее доход занятие? Например, гувернантка.

– У меня нет рекомендательных писем. Тем более, я не хочу отказываться от звания художника! – Эмили не рассматривала также и вакансии прачки, швеи или сиделки. Хотя только они не требовали рекомендаций и особых талантов, а только усердия с ее стороны. В силу возраста она пребывала в блаженной уверенности, что ее мечтания о карьере живописца обязаны сбыться, коли уж она обладает некоторым мастерством в этой сфере.

– Все понятно... Лондон – не бездонная кадка, – начал Гари. – Так говорят истинные лондонцы, к коим я сам, признаться, не отношусь. Работы на всех не хватает. Горничные, гувернантки, белошвейки... Ими кишит Лондон. Но ведь тебе такое и не нужно. Ты знаешь, чего хочешь... А это уже половина успеха... – плеснув что-то из высокой бутылки в один из своих только что начищенных стаканов, Гари протянул сосуд Эмили. – Могу тебе кое-что порекомендовать. Попробуй заглянуть на Сквер-Стрит. Это ближе к окраине. Там есть рынок. Сразу предупреждаю: он самый обшарпанный во всей Англии. Но зато туда пускают всех, – обнадежил бармен шутливо. Девушке из достаточной семьи не пристало выходить на улицу без слу-

жанки, компаньонки или жениха. А уж кататься в одиночку на паровозе или искать работу – и подавно. Это считается неприличным. Но никто не выбирает семью, в которой родился. И невзирая на приятный облик и терпимые манеры, совершенно очевидно, что Эмили происходит из простой семьи. Сейчас она мечтает о грядущем, залитом красками ее палитры и гонорарами с продаж. Но в реальности когда наличные деньги у нее закончатся, ей придется заняться тем же, чем и остальным малоимущим женщинам. Она будет тяжело и много работать, потеряет свою красоту и надежды. – Сейчас я запишу тебе и даже нарисую, как найти это место, – Гари извлек из-под стойки потертый блокнот, вырвал из него лист и принялся изображать схему предстоящего пути. – Кто знает, Эмма, может, что-то у тебя и выйдет...

Глава 3. Таинственный иностранец

Эмили плутала около двух часов. И наконец вдали показалась рыночная площадь. Место, и вправду, оказалось не из лучших. Повсюду валялся мусор и всякий малопонятный хлам. Из каждого навеса характерно разило то рыбой, то мясом, то овощами, то еще чем-нибудь. Даже из лавки галантерейщика раздавался запах новых тканей и ниток. Но в целом на рынке стоял неприятный дух.

Это место Эмили уже не нравилось. Ей пришлось подобрать подошвы, чтобы не испачкать свои юбки о лужи и грязь. По пути она неодобрительно разглядывала будущих коллег. Сквозь их галдеж не разобрать даже собственных мыслей! Они еще и за руки хватают! Да сюда ни один приличный горожанин не соизволит отправиться за покупками, а тем более за живописью...

Отряхивая ногу от прилипшей к подошве бумажки, художница огляделась по сторонам в поисках свободного местечка. Завидев таковое вдали, она без сомнений направилась туда. Каждую секунду напоминая себе, что до конца недели ей надо заплатить за жилье, она решительно и скоро расположилась. Разместила картины, разложила складной стульчик, приготовила мольберт – вдруг будет вдохновение и она захочет что-то нарисовать.

Из соседней палатки на Эмили с интересом смотрела девушка. По лицу лавочницы было сложно определить ее возраст. Украшенная розочками бесформенная красная шляпка, того же цвета губная помада и засаленные перчатки без пальчиков придавали ее облику вид бывалой торговки. Но задорный взгляд выдавал юный возраст. Девушка ничего не говорила. Она казалась удивленной. Ведь даже прекратила зазывать покупателей к себе в лавку с дарами моря.

Эмили уныло вздохнула. Не лучшее место для художника – рыбный запах отпугнет всех ценителей искусства. Завтра надо будет прийти пораньше и занять местечко где-нибудь рядом с сувенирной лавкой... А сегодня придется побыть здесь, познакомиться с соседкой и разузнать о рынке. Но прежде всего нужно собраться с мыслями и закурить, дабы компенсировать тяготы проделанного пути.

Эту модную привычку Эмили подхватила в Лондоне. Теперь в ее сумочке всегда имелась коробочка женских сигарет Cameo американской фирмы JB Duke. Увидев как-то двух дам с изящными мундштуками в руках, Эмили решила стать такой же утонченной и загадочной, как лондонские модницы. Для женщин действовало множество запретов. Им нельзя было демонстрировать свои знания, громко говорить и смеяться, оставаться в помещении с мужчиной наедине и подобное тому. Но среди бесчисленных ограничений не было ничего, что бы запрещало курить табак и принимать настойки Лауданума. И то и другое врачи временами рекомендовали пациенткам в качестве успокоительного и болеутоляющего средства. Так что Эмили не выглядела нарушительницей правил. Тем не менее, выяснив, что мундштук из красного дерева, янтаря, кости и даже бриара ей не по карману, она решила пока обходиться без него.

Эмили уселась на стульчик чуть поодаль от своих произведений, изображавших всего две темы – лес с водоемом или какой-нибудь незамысловатый натюрморт, как то: вазу, цветы или яблоко на фоне всего этого. Она почти смирилась с мыслью, что в ближайшее время ей придется продавать свое творчество в недостойном искусства месте. И тут вдруг кто-то бесцеремонно стряхнул ее со стульчика, поддев последний ботинком. Чуть не свалившись, растерянная Эмили едва успела вскочить на ноги. Но вспомнив про плату за жилье и прочие расходы, решила отстаивать свои интересы, что бы там ни было.

Несколько мужчин обступило Эмили, потеснив ее к выставке. Небрежно одетые, небритые и недобро скалящиеся, эти лондонцы с ходу внушали опасения. Они явно не относились к числу джентльменов, спешащих на помощь даме и снимающих перед ней шляпу.

– Господа, господа!..– Эмили попятилась назад и уткнулась лопатками в собственную выставку. На миг она опешила, ведь ожидала увидеть мелкого воришку, охотящегося за ее кошелем. Но банда громил – это кардинально иное.

– Ты тут одна? Кто тебя привел? – вперед выступил здоровенный детина с грубыми чертами лица. – С кем пришла, я спросил?

– Я одна...– неуверенно промямлила Эмили, пытаясь вообразить, чем ей может грозить подобное знакомство. Что им вообще нужно от нее?!

– Тогда понимай...Это мой торг! Прежде всего тебе надо заплатить пошлину. И получить мое разрешение на торговлю этим...– детина кивком указал на пеструю ленту пейзажей и натюрмортов, не подобрав нужных слов, чтобы описать товар. – Ясно?!

– Господа, не будем горячиться, – принимая во внимание враждебную обстановку, Эмили решила начать с установления дружеского контакта. Ей загодя стоило догадаться, что в этом городе нет ничего бесплатного, даже места на этой свалке! Как бы там ни было, скандал теперь недопустим. Можно остаться без своих картин и, что еще хуже, пострадать. – Мне известны местные правила. И уверяю, я, конечно и обязательно, готова их соблюдать! Меня, кстати, зовут Эмма Блэйд, – поправляя шарф, который тянул ее пересохшее горло, художница широко улыбнулась сразу всем, а главное, передовому громиле. – Сэр, прошу прощения, а как обращаться к вам?

Разумеется, учтивое обращение «сэр» не шло ни одному из этих мужчин. Но Эмили посчитала, что таковое должно польстить грозному незнакомцу, держащему речь.

– Я – Билл, хозяин рынка...

– Сэр Билл, очень приятно. Право, мне очень приятно! – нацепив улыбку, Эмили, как могла, изобразила радость знакомства. – Ваш рынок производит самое благоприятное впечатление. Сразу видно, что хозяин рынка – интеллектуальная натура с чувством вкуса и...И меры...– изумрудные глаза художницы наполнились почтительностью. – Тут все так удобно...И продуманно! Кажется, не существует такого товара, которого бы здесь нельзя было сыскать. А ведь это и есть самое главное на любом торжище. Так ведь, сэр Билл?

– Аренда за неделю составляет десять шиллингов. Плати вперед или проваливай, – Билл смотрел на новую девушку строго, но, кажется, все же оценил учтивость с ее стороны. Если бы она хоть слово ему вякнула поперек, то уже летела бы в канаву вместе со своей мазней.

– Сэр Билл, вот как раз об этом я и жажду иметь диалог, – начала Эмили спокойным тоном, хотя в душе вся трепыхалась от страха. – Сейчас поясню...

– К дьяволу отправь свои пояснения. А мне предоставь десять шиллингов! И тотчас! – рявкнул Билл, нависнув над Эмили.

– Сэр Билл, позвольте...На пару слов...– набравшись храбрости, Эмили взяла под руку скверного упрямого громилу и увлекла его чуть в сторону от товарищей. Она полагала, что без постороннего вмешательства он скорее согласится на ее условия. – Я позволю себе небольшую предысторию. Дело в том, что я лишь недавно приехала в Лондон. Добрые люди посоветовали мне ваш рынок как самый популярный и радушный для нового человека в городе. Так вот я сразу же поспешила сюда, к вам, – на этих словах Эмили с нарочитой благодарностью взирала на недалекого детину как на покровителя. – Сэр Билл, я собираюсь обосноваться здесь надолго. Но, признаться, отдала в первый же день все деньги за жилье...– Эмили не успела договорить. Билл сразу развернулся, в недовольстве выдергивая свой локоть из ее рук. Но Эмили продолжала крепко удерживать его, дабы не утратить дружеской атмосферы.

– Так какого дьявола тогда ты здесь мне навешиваешь?! – взревел Билл, чувствуя, что она надеется на бесплатный день. А может, даже и не один!

– Сэр Билл, послушайте. Я окончила Королевскую Академию Изобразительных Искусств, – Эмили придумывала на ходу. Естественно, ничего она не оканчивала. Зато как звучит! Каждое слово в этом названии есть само величие. Интересно, существует ли подобная

академия вообще... Впрочем, этот мордovorот все равно не знает ответа... И, точно, не разбирается в живописи. – Смею заверить, что мои работы пользуются успехом, – несмотря на заявление о наличии престижного образования, Эмили казалась далека от общепризнанных канонов изобразительного искусства. Хотя ее творения были по-своему интересны и привлекали взор мелкими, но занятными деталями. Но на этом все. – Знаете, известные художники восторженно отзывались о моей выставке...

– Меня не касается, – процедил Билл недовольно. – Главное, чтобы твой товар пошел. Короче... Плата вперед!

– Вот и я говорю, главное – это спрос на мои работы. Посмотрите, сколько желающих! – Эмили обвела рукой рыночную площадь. А тем временем вокруг них, и впрямь, собирались любопытные зеваки. – Послушайте, в данный момент я уже располагаю шиллингом и...

– Я что, похож на слабоумного?! – гаркнул Билл, накренившись над Эмили. – Полно зубы заговаривать! Гони десятку! Или уматывай отсюда, пока я добрый!

– Сэр Билл, ну зачем так сразу? Я же говорю, все будет оплачено в срок. Неделя так неделя. Как скажете. Сэр Билл... Мы можем устроить все так, что никто из нас не понесет ущерба... Давайте вместе вдумаемся в суть проблемы... Это место ведь у вас все равно не занято, – Эмили смотрела спокойным уверенным взглядом в буйные глаза Билла. – Сей же час я плачу шиллинг. А если продам что-то еще, то... Вернее, *когда* я продам что-то еще, то незамедлительно расплачусь... – быстро исправилась Эмили, заметив, как Билл изменился в лице, услышав о столь хилых перспективах. – Буде не сегодня, то, уж точно, на неделе я внесу плату за весь срок... Сэр Билл, я буду крайне благодарна за эту отсрочку. А в честь нашего знакомства... – Эмили уже увлекала громилу к стенду с картинами, – я намерена преподнести Вам Эту Картину как дар уважения. «Озёра Рочфорда!» Прошу... – Эмили изрекла это столь торжественно, словно собиралась представить Билла ко двору. Настойчиво протягивая ему какой-то пруд с лягушками, она не сомневалась в том, что если он примет пресловутые озёра, то, значит, они договорились.

Билл был груб и сер, но считать умел. Место, и впрямь, пусто. Так уж и быть, пусть эта смазливая девка посидит здесь до вечера. Авось и заработает чего.

Условились на том, что без хозяина рынка Эмили не сделает и шагу. А периодически ее будет в течение дня курировать Том – еще один громила, но только на побегушках у самого Билла.

Было уже время обеда. А картины Эмили, к ее величайшему ужасу, оставались в прежнем составе. Этот факт начинал удручать. Все только ходят и смотрят, и ничего не покупают!

И да, Эмили не знала нюансов. Она не знала, что бедные кварталы Уайтчепела, наводненные бродягами, беженцами и проститутками, не располагали высокой покупательской способностью. Люди здесь привыкли ходить на рынок лишь за самым необходимым. А вовсе не за предметами роскоши. Большинство посетителей базара останавливалось перед ее выставкой, разинув рты и побросав корзинки. Но через пять минут их интерес угасал. И они исчезали так же неожиданно, как и появлялись. К другой категории горожан относились хвастуны. Они подходили к Эмили, завязывали с ней разговор ради пустословия, а не ради покупки. Они часто заканчивали беседу подобными выражениями: «Нынче, мисс, я совсем поиздержался, но в будущем месяце непременно загляну к вам!». Или: «Превосходная картина! А сколько вы за нее просите? Два шиллинга? Хм... Да, картина неплоха... И цена приемлема... Единственное... Мне не нравится, как у вас изображена радуга... Да, да... Непременно купил бы ее, но радуга... Ну и потом, у меня, признаться, уже имеется картина с радугой!». Или совсем уж просто: «Сколько?! Два шиллинга! Ну и аппетиты у этой художенишки! Сия пачкотня не стоит и полмонеты!».

Первую половину дня Эмили провела на ногах, не позволяя себе присесть. Она бегала от картины к картине, демонстрируя товар со всех сторон и под разным освещением. Рисовала эскизы подходящих рам и рассказывала о сюжетах. Но вскоре она выбилась из сил, а самое главное – не продала ни одной работы.

Достав сигарету, Эмили присела на свой стульчик и сложила ногу на ногу. Тетушка, которая воспитывала Эмили, говорила, что девушка не должна закидывать ногу на ногу или, наоборот, расставлять колени. Не должна сутулиться или класть локти на стол. Подобные манеры отпугнут приличных женихов. Но Эмили так устала, что сейчас ей вообще уже не до женихов! А главное, за весь день она не видела ни одного субъекта, подходящего на столь ответственную роль.

Дым клубился над головой Эмили, медленно рассеиваясь во влажном воздухе. Ее выставка была привлекательной на фоне прочего. Многие останавливались поглазеть, даже если пришли за продуктами. Но, несмотря на все это, Эмили уже начинала подумывать о том, чтобы незаметно ускользнуть с рынка. Ибо все указывало на то, что дальнейшее времяпрепровождение здесь также будет безрезультатным, становясь с каждым часом даже опасным.

Эмили задумчиво прислушалась к шуму рынка. Здесь все бурлило. Это не та тихая ее деревня, где слышен только голос ветра и песня соловья. Перво-наперво здесь шумный фон: гул голосов, скрипов, падающих и плюхающихся предметов, лязг телег, уханья и аханья, восклицания, смех, ругань... Помимо всего этого, где-то неподалеку обязательно находился некто громогласный. Брюзжащий старик или «базарная баба», за чьими криками все остальное отходило на второй план. Торговцы тоже не отставали. Каждый выкрикивал из своей лавки что-то подобное: «Берем карпа! Зеркального!». Или: «Текстиль! Парча! Кому нитки?!». Или: «Коли ты устал немножко, то примерь шапку на бошку! Выбираем головные уборы!».

– Лучшая английская живопись для настоящих ценителей! – от безысходности Эмили начала подражать коллегам, хотя до этого стеснялась даже повысить голос. – Подходите, мисс! Подходите, сэр! Пейзажи и натюрморты! Для вашего дома или для дома вашего друга! – сначала смущенная Эмили объявляла негромко, как того для молодой женщины требовали правила. Но вскоре она поняла, что в этом месте никому нет дела до этикета. Все правила оканчиваются там, где начинается нужда. И вот настал момент, когда Эмили кричала уже почти во все горло, сиюсья переорать звонкоголосую соседку с рыбой.

– Доченька, а портреты у тебя есть? – осведомился какой-то пожилой человек в пенсне.

– Портреты? – Эмили призадумалась. А и правда! Она ведь неплохо изображала портреты в карандаше. И в своей деревне нарисовала почти каждого. Но кому здесь нужны чужие портреты загорелых деревенских физиономий? И все же идея неплоха... – Портреты! Дамы и господа! – несмотря на бремя множества ограничений, Эмили была не из тех, кто так быстро сдается. – Ваш экспресс-портрет за полчаса и всего за два шиллинга! Ваш образ в это удивительное утро, запечатленный на листе!

Сначала Эмили боялась продешевить. Но увидев, что и на два шиллинга здесь покупателей сыщется немного, она продолжала уже не так воодушевленно:

– Экспресс-портрет! За десять минут и всего за один шиллинг! Экспресс-портрет – и у вас навсегда останется память о сегодняшнем дне!

– Об этом скверном дне! – пробубнил какой-то пробежавший мимо недовольный прохожий в дождевике.

– Да... То есть нет! И у вас навсегда останется память о сегодняшнем неповторимом дне! А сегодня *двадцать первое августа одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года!* В восемьдесят девятом вы взгляните на свой портрет как на доказательство того, что прошел целый год! И не зря прошел! Всего один шиллинг!

Эмили выкрикивала речи, подобные этой, размахивая кистями своего вязаного шарфа. Мимо нее проходила мамаша с ребенком лет пяти-шести. Мальчик был измазан в шоколаде.

Это говорило о том, что родительница балует своего отпрыска по средствам. Эмили посмотрела на капризно фыркающего кроху с надеждой.

– Малыш, а ты хочешь получить свой портрет? – подмигнула Эмили.

– Хочу портрет! – взвыл малыш, потянув мать за подол платья в сторону выставки.

– Уже шоколад съел, хватит с тебя! – мамаша строго дернула сына за руку.

– Портрет хочу! – малыш вывернулся и снова потащил мать к картинам.

– Всего один шиллинг, миссис, и у вас с малышом будет память об этом чудесном субботнем полдне, – приветливо улыбнулась Эмили.

Мамаша покосилась на капризничающего малыша и сдалась. Тяжело усевшись на стульчик, она взяла сынишку на руки. Но вот напасть: малыш стал ерзать на руках, стульчик закрипел, послышался хруст. Малыш успел вскочить, а мамаша оперлась на корзины и потому не угодила наземь.

– Экспресс-портрет! Натюрморты! Пейзажи! Любая картина за шиллинг! – по привычке не переставала зазывать Эмили, ринувшись к молодой соседке – торговке рыбой. Познакомившись наспех с девушкой, Эмили позаимствовала у нее деревянный ящик и усадила на него своих дражайших клиентов.

Схватившись за карандаш, Эмили с жаром принялась за работу. Мамаша была не самой утонченной наружности. Резкие черты легко сделали бы портрет узнаваемым. Но ведь каждый желает быть лучше, чем он есть на самом деле. А клиент должен остаться доволен! И так как Эмили все же хотелось получить свой шиллинг, она стала изображать Венеру на руках с маленьким Купидоном.

Эмили трудилась полчаса, как вдруг краем глаза заметила, что какой-то элегантно одетый молодой человек рассматривает яблоки и вазы, а также леса в болотах. Он одет по заграничной моде, возможно, сам иностранец... Кажется, француз... Да, определенно... С такого получится взять целых два шиллинга! Если он согласится подождать... Но как быть с мамашей и малышом, которые, ко всем бедам в придачу, выломали стульчик натурщика? В любом случае надо улыбнуться господину и постараться задержать его беседой.

– Месье желает приобщиться к прекрасному? Прошу: лучшие английские пейзажи... – предложила Эмили. Но, решив, что модного господина могут не заинтересовать ландшафты Англии, добавила, – лучшие сюжеты на ваш вкус: леса Италии, Греции и Дании... А также кедровые боры далекой Сибири...

Дорогой зеленой краски у Эмили не было. И не все ее пигменты смешивались между собой. Поэтому она использовала сперва синий, а затем желтый цвет, нанося их послойно. Благодаря этому ходу ее картины имели множество оттенков. Что могло сойти за разнообразие лесов.

Тем временем мамаша уже стала выражать недовольство, что художница занялась кем-то еще, не закончив портрета с ней: им же с малышом надо спешить. Впрочем, это было не совсем так – Эмили по-прежнему изображала мамашу, хоть и поддерживала вежливую беседу с новым посетителем. И все же художница не посмела возразить. Но ведь и молодой господин мог запросто заскучать и уйти...

Устрашенная подобными перспективами Эмили начала суетиться. Но не тут-то было, мамаше не нравился ее нарисованный нос и кружева. Она требовала их подправить.

– Протрите малыша, он в шоколаде. Или я изображу его перемазанным, – распорядилась Эмили. И пока родительница преображала сынишку носовым платком, Эмили перевела внимание на господина, предположительно, из Франции. – Эти картины раскрывают свою тайну только внимательному ценителю. Месье не должен торопиться: искусство не терпит спешки, – тархтела Эмили, попутно устремляясь к соседке за еще одним ящиком.

Выпросив более-менее сносную деревянную коробку, Эмили ловко выволокла последнюю на улицу. Расположив ее напротив своей выставки и накрыв куском холста, на обратной стороне которого была намалевана какая-то незаконченная картина.

– Месье может не спеша выбрать картину для себя или для друга! Прошу... В это кресло! – улыбаясь, Эмили пригласительным жестом указала на предмет, похожий теперь на место для сидения. – Прошу! Отсюда подходящий угол обзора. Здесь применена техника изображения теней! Будет лучше видно, если наблюдать с разных сторон!

Господин неторопливо уселся в предложенное «кресло» и принялся созерцать выставку. Изначально он показался Эмили мрачноватым. Но теперь его губы улыбались, и он с интересом наблюдал за происходящим и самой художницей. Эмили приехала из глухой английской деревушки, в которой никто понятия не имел о моде и современных тенденциях. На самой провинциалке было надето унылое серое платье, не соответствующее сегодняшнему дню в полной мере. Оно казалось чрезмерно строгим. Белые воротнички с маленькими пуговками доходили до самого подбородка. Впрочем, сей ревнивый наряд, не позволяющий чужому глазу зацепиться за тело хозяйки, лишь подчеркивал ее невероятно красивое лицо.

Портрет был завершен. Эмили красноречиво подытожила работу аляповатым росчерком. Нос мамы теперь хоть и не соответствовал действительности, но зато был выше всяких похвал, как и кружево на ее платье.

– Прошу, миссис... И с вас шиллинг, – понижая голос, чтобы молодой господин не слышал цены за экспресс-портрет, Эмили протянула картину малышу. Малыш взвизгнул от радости, а мамаша отсчитала шиллинг.

Развернувшись, Эмили уже спешила к солидному господину, продумывая на ходу, сколько бы шиллингов с него запросить. Ведь он, бесспорно, намерен что-то приобрести в ее лавке. И он, точно, небеден. Продешевить нельзя, ведь, возможно, больше клиентов не будет, а аренду платить придется в любом случае.

– Итак, что желает месье? – Эмили мило улыбалась господину, все это время терпеливо ожидавшему своей очереди. – Пейзажи Испании, Рима? Или натюрморты в стиле классицизма? Или, быть может, экспресс-портрет?!

– Месье желает экспресс-портрет, – улыбнулся незнакомец в ответ.

Эмили сразу отметила приятный голос и красивую улыбку. В речи молодого человека присутствовал легкий акцент. Значит, чутье не обмануло ее. Он, точно, француз! А такие денег не считают!

– Месье не ошибся. Ведь нигде больше он не получит экспресс-портрет всего за... Эээ... Скажем, три шиллинга! – Эмили сначала хотела попросить два. Но потом решила, что с этого господина можно и нужно взять втридорога: он не для того ждал полчаса, чтоб теперь уйти отсюда из-за ерунды. В конце концов, если его не устроит цена, он может отказаться. Ведь это не такой уж нужный товар или услуга, без которой не обойтись.

– Три шиллинга? – господин лукаво улыбнулся, поджав нижнюю губу. – Но м с ребенком вы изобразили за один шиллинг.

– Да, но у миссис с ребенком был коллективный портрет. А месье желает индивидуальный! – настаивала Эмили. Хотя понимала, что, по идее, портрет малыша и мамы должен был быть дороже в два раза, а не дешевле в три. Ведь цена портрета зависит от количества рук и голов, изображенных на нем. Дабы усилить правоту своих слов, Эмили повторила с серьезным лицом знатока, – а месье желает индивидуальный! Работа для персоны всегда ценится выше. Смотрите на меня, месье, я уже изображаю овал вашего лица! И улыбнитесь, так будет лучше, – Эмили еще не успела ничего набросать. Но чтобы заставить господина врасплох, нужно представить, будто работа в разгаре. И пусть он улыбается, тогда не будет пререкаться из-за лишних шиллингов.

Господин спокойно и доброжелательно улыбнулся. Казалось, ситуация с шиллингами его позабавила, а не расстроила.

Эмили принялась творить. Как назло, ничего не выходило. Господин оказался благородной наружности, поведения безукоризненного, и Эмили хотела изобразить его реалистично с мастерством истинного живописца. Но лишние мысли сбивали ее с толку. Кто знает, может, этот таинственный привлекательный месье неженат. А может, он, как и она сама, ищет себе достойную невесту... А может, он из тех, для кого не имеет значения общественное мнение, и он запросто выберет себе спутницу не из своего круга. Такое ведь иногда случается. Хоть и редко!

Рука с карандашом почти не слушалась хозяйку. Встречая на своем пути более или менее приличного молодого человека, Эмили невольно оценивала его как кандидата в мужья. Так багетчик примеряет рамы к картине, отбрасывая неподходящие и продолжая искать нужное обрамление.

– Как ваше имя? – поинтересовался молодой господин просто.

– Меня зовут Эмма Блэйд... – не отрывая взгляд от скул господина, художница заштриховывала лист карандашом. – А как мне обращаться к месье?.. Вы ведь из Франции?

– Да, я как раз оттуда. Зовите меня Джеймс, – молодой человек был благодушен на вид. И Эмили понадеялась, что все же есть шанс удержать его на время, требуемое для создания экспресс-портрета. Хотя о людях, подобных ему, всегда думается, что у них недостаток времени. – У вас отличный сервис, мисс: эта выставка, это «кресло»...

– Благодарю. Я всегда стараюсь радушно встречать людей, которые ценят искусство и талант автора, – нахваливала себя Эмили, вызвав тем самым улыбку на лице господина. Да, разумеется, английская девушка должна быть скромна. Но только не тогда, когда она на рынке продает неходовой товар. – Кстати... Если месье Джеймс заглянет к нам в среду, то его будет ожидать новинка в области искусства, – Эмили пока еще не знала, что за новинка будет его ждать, но нельзя было упускать столь щедрого клиента. А он, без сомнения, щедр, раз согласился на три шиллинга вместо одного без проволочек.

– Я непременно загляну, – пообещал Джеймс. – Но сегодня я все же желаю получить свой экспресс-портрет, – выразил свою волю молодой господин. Но заметив, как у Эмили запрыгал в руке карандаш, добавил успокоительно, – не торопитесь, мисс. Я не спешу.

– Месье Джеймс дворянин? Сразу чувствуется стремление его чуткой души к высокому... – не замолкала Эмили. Какой воспитанный молодой человек! Вот если б его покорить, возможно, вышел бы толк... Хотя все вокруг уверяют что столь неравным союзам нет жизни.

– Месье, пожалуй, делец... Предприниматель... – задумавшись, ответил молодой человек.

– Предприниматель? Очень хорошо... – довольно буркнула Эмили. Род его деятельности их сближает. Она ведь тоже предприниматель в какой-то степени! – Джеймс, а как насчет пейзажей? Могу подобрать вам какой-нибудь деловой сюжет для вашего кабинета! Допустим, леса Бургундии... Гаскони... – оживилась Эмили. Английские леса особенно не отличаются от лесов других государств. Зато «Леса Бургундии»... Это звучит внушительно!

– Благодарю, я подумаю над вашим предложением. А кстати, нет ли у вас пейзажей Неаполя? Нечто морского? – любопытствовал молодой человек.

– О, конечно, конечно! Нечто морское у меня есть... Только все это в моей мастерской... Сегодня и без моря мокро, – нашлась Эмили. – Впрочем, к среде я приготовлю для вас моря Неаполя... А сейчас могу пока предложить его леса...

– У вас и неаполитанские леса есть в наличии? – господин рассмеялся. Потом извинился за свой смех. И с улыбкой продолжал. – Простите... Я думал, у вас только Испания, Дания и Рим. И конечно, Сибирь...

Эмили смешалась. Проклятье! Того и гляди, сейчас он раскусит автора! Придется пока отставить неаполитанскую тему... А хорошо было бы и леса ему сегодня всучить... Тогда с арендой на неделю было бы улажено.

Оставив мольберт, Эмили подошла к господину и вместе с ним обвела взором коллекцию, словно ища чего-то.

– Месье прав, здесь нет лесов Неаполя, – небрежно закинув край вязаного шарфика за плечо, подтвердила Эмили. – Они также остались в мастерской... Неаполь – это моя любимая тема... – призналась Эмили, прикрыв глаза. – Но, клянусь будущей средой, месье будет обладать как морями, так и лесами Неаполя! Джеймс, а вы бывали в Неаполе?

– Довелось... – господин выглядел повеселевшим. Его забавляло происходящее.

– А я вот нигде не... – Эмили чуть не проболталась, что не покидала Англии. А как же тогда она творила все эти зарубежные виды?! Для изобразителя нужна натура. – А я вот нигде не встречала таких лесов, как в Неаполе, Джеймс. Нигде!

– Вы путешествуете? – улыбаясь, Джеймс оглядел Эмили с некоторым сомнением.

– Моя тетушка говорит, что главное в любом деле – это желание, – увильнула Эмили от ответа.

– Что ж... Я все понял, – господин рассмеялся.

Эмили еще несколько раз забавно пошутила, рассказала пару веселых историй, и, наконец, картина была готова.

– Прошу, Джеймс, ваш экспресс-портрет! – Эмили свернула рисунок в трубочку, бережно перевязав ленточкой, снятой с запястья. Вздохнув, протянула работу молодому господину. – С вас три шиллинга.

Джеймс озадаченно повертел в руках свиток. А Эмили вопросительно оглядела своего клиента. Что-то разве не так? Ох, черт... Не следовало сворачивать портрет: это похоже на жульничество! Обычно она так не делает. Но сейчас задумалась, замечталась и руки сами свернули лист в подзорную трубу.

Неопытная, но осторожная Эмили была готова к обману со стороны людей. И она допускала, что любой порядочный на вид господин может одурачить ее, вырвав портрет и убежав, не заплатив обещанного гонорара. Но все-таки данный молодой человек отчего-то показался ей благонадежным. Наверное, из-за его манеры изъясняться: он разговаривал неторопливо и четко.

– Я могу взглянуть? Или это нужно сделать непременно после того, как я вас покину и буду уже на другом конце Лондона? – молодой господин поднялся на ноги. Оказалось, что он высок. Эмили пришлось встать на цыпочки, дабы заглянуть в портрет, который он не спеша стал разворачивать левой рукой, на безымянном пальце которой блеснул алый рубин в золотой оправе.

Глаза Эмили чуть не вылезли на лоб. Вот это перстень! Надо было найти способ и его изобразить на портрете... Такое колечко, наверное, стоит недешево. Если, конечно, не подделка... Хватило бы арендовать жилье еще на год... Или даже на всю жизнь вперед!

– Ха-ха, простите... – хихикнула Эмили. – Конечно, взгляните... Может быть, господин захочет, чтобы я внесла дополнения в картину? Могу пририсовать брошь или орден Святого Христофора... Или ваш потрясающий перстень... Так как вам моя работа?..

Было очень важно услышать положительный вердикт. Ведь от этого зависела судьба шиллингов. Господин молчал, и Эмили тоже помалкивала, затаив дыхание.

С портрета смотрели спокойные светлые глаза. Проницательный взгляд указывал на то, что изображенный человек обладает незаурядным умом. На его устах застыла еле заметная улыбка, чуть игривая, но между тем исполненная достоинства. В целом портрет был неплох и даже походил на оригинал. Эмили сама удивилась такой удаче. Правда, пришлось трудиться над ним не обещанные десять минут, а добрых пару часов. Впрочем, время пролетело быстро

и весело. Но теперь затянувшееся молчание стало настораживать мастера. Эмили пошатнулась со своих цыпочек, невольно дотронувшись до локтя господина. Он перевел на нее взгляд.

– Превосходный портрет, Эмми. Мне нравится, – сообщил господин серьезно. У него был тон человека, с которым не спорят.

– Ну... Он ведь принадлежит карандашу редкого дарования, – пошутила Эмили, у которой отлегло от сердца. Раз господину понравился портрет, значит, он придет в среду за лесами и морями Неаполя. Без заработка она не останется.

– Без сомнения, – улыбнулся Джеймс. – Вы непозволительно кротки, Эмми.

– Я же не во дворце, чтобы изображать из себя принцессу-тихоню, – вздохнула Эмили неожиданно грустно. Ей, конечно, хотелось бы видеться кроткой и скромной, ходить с нянькой и мамкой, под зонтиком и с Библией в руке... Но для нее такая жизнь невозможна. Она родилась не там, где все это могут ей обеспечить. И если бы сейчас она не орала во все горло про свою выставку, француз даже бы и не заметил ее.

– Это точно... – неожиданно согласился Джеймс. – И кто научил вас рисовать?

– Ну так я же... – Эмили рассудительно решила не болтать про Королевскую Академию, поскольку господин не походил на дурака и мог усомниться в ее словах. К тому же он не спросил, что она заканчивала. Он спросил, кто научил ее рисовать. Видно же, что она самоучка. – Так ведь самолично и с положенным усердием... – замялась Эмили, обдумывая, как бы получше представиться. Она стыдилась своей невежественности, которую старалась заполнить самообразованием. И она не знала, как далеко продвинулась на этом пути. Лишь иногда старалась помалкивать, чтобы не сказануть заведомую глупость.

– Которое дало свои плоды, – Джеймс улыбнулся, обнажив ряд жемчужных зубов. Эмили была рада своему успеху, но хотелось все же ускориться с оплатой. – Я обязательно зайду еще раз к вам сюда.

– Может быть, мне посчастливится увидеть гонорар? – сконфуженно улыбнувшись, напомнила Эмили.

– О, простите меня, разумеется. Я столь глубоко восхищен вашей работой, что позабыл о суленом гонораре.

Господин запросто достал из кармана пять шиллингов и протянул Эмили.

– Я сейчас найду сдачу... – Эмили приготовилась обшаривать потайные карманы, в которых прятала наличные.

– Не нужно, – Джеймс отрицательно махнул рукой. Видимо, для него вопрос шиллингов был второстепенен. – Что ж, Эмми, благодарю вас за сеанс... Вы очень милы.

– До среды, Джеймс, – кивнула Эмили, давая понять, что будет ждать его скоро.

– До среды, – улыбнулся щедрый господин и пошел прочь.

Эмили провожала его взглядом и была приятно удивлена, когда он оглянулся.

Глава 4. Совет

Вечерело. На землю спускались сумерки. Ряды покупателей редели, продавцы сворачивали свои лавки. Эмили тоже принялась складывать выставку. Самозабвенно упаковывая инвентарь, она невольно вздрогнула, когда ее окликнули.

– О, сэр Билл! А я как раз собиралась к вам: хотела заплатить за этот день... День нашего с вами знакомства! – Эмили решила сразу начать с хорошей новости, дабы предотвратить крушение мольберта и одевания картины на свою голову.

– Сколько заработала за сегодня? – лишенным всякого понимания тоном затребовал Билл.

– Два шиллинга, сэр Билл, – соврала Эмили, искренне глядя в глаза недоверчивому громиле. Решил обобрать ее до нитки. Не выйдет! Она молода и неопытна в торговых делах, но кое-что уже смыслит в том, как обращаться с подобными субъектами.

– Каролина?! – рявкнул Билл на продавщицу рыбы.

– У нее всего двое покупателей было за день, – косвенно подтвердила соседка слова Эмили.

– Всего-то? – покосился Билл досадливо.

– Первый день... Вы же помните, сэр Билл, мы с вами обсуждали... – Эмили мысленно поблагодарила соседку за ее ответ. Ведь Каролина могла бы рассказать о том, как на самом деле обстояли дела с шиллингами.

– Давай сюда, – потребовал Билл у Эмили, пока его громилы зевали, переминаясь с ноги на ногу.

– Сэр Билл, я так понимаю, что за неделю я должна вам десять шиллингов... – начала Эмили рассудительно. Надо задать тон общения сразу. Или в дальнейшем уже будет невозможно его скорректировать. – Я теперь отдам вам два шиллинга и плюс один тот, что утром. Итого будет три. Значит, останусь должна еще семь, – не мешкая, Эмили протянула два шиллинга Биллу.

– Ладно, посмотрим до конца недели, – смягчился хозяин рынка. – Сейчас ты соберешься, и мы проводим тебя до дома. Далеко живешь?

– Недалеко, но... – Эмили совсем не желалось разгуливать по темным улицам с бандитами, которые пытаются вытряхнуть из нее последние средства. – То есть мне очень приятно, благодарю за заботу... Улицы Лондона небезопасны... Но я, право, не хочу затруднять...

– А я не хочу, чтоб через неделю ты испарилась, не оплатив мне аренды! – гаркнул Билл.

– О, не стоит беспокоиться, я заплачу, – поспешила заверить Эмили. – Смею подчеркнуть, что я всегда нахожу способ покрыть свои долги в срок. Именно в срок! Так что уверяю, неделя будет закрыта. Да я уже сегодня вношу почти половину. Разве это не поразительно! – настаивала Эмили.

– Ну все, не шуми. В любом случае сочтемся, красотка, – гнусно ухмыльнувшись, констатировал Билл.

– Сэр Билл, вы шутник, – Эмили чуть не подавилась. Что за мерзкие намеки! Только домогательства ей не хватало! Несмотря на бойкий нрав, она невинный цветок. И подобные разговоры задевают ее честь. Честь бедной девушки для некоторых пустое место, но тем не менее она существует.

– Да уж. Ну все. Живо собирай барахло. И пойдем!

– Сэр Билл, – начала Эмили, понизив голос до шепота, дабы ее речь была слышна только хозяину рынка. – Видите ли, я одобряю ваш деловой подход. И со своей стороны благодарна за ответственное отношение к нашему общему делу. Считаю, это важно, что вы контролируете столь незначительные, на первый взгляд, детали, как местонахождение ваших сотруд-

ников... Но поймите меня правильно – лично к вам я испытываю глубочайшее доверие. Глубочайшее, сэр Билл! Но не могу сказать того же самого обо всех остальных ваших, как бы это выразиться, коллегах... Это и немудрено, ведь только вы со своим тактом можете внушать подобные чувства, – тараторила Эмили, которая не была готова к тому, что ей предлагается. – И все-таки я откажусь прогуливаться по пустынным улицам Лондона в компании людей, которых мало знаю... Вот...

– Понял тебя, – Билл развернулся к остальным и окликнул любимого громилу, – Том, пойдешь со мной! Все остальные – к Чарли! Мы скоро подойдем.

Почему-то заботясь бестолковым вопросом о том, кто такой этот неведомый «Чарли», Эмили упаковала остатки скарба. Слава богу, пошли дела кое-как...

– Ну что ж, идемте, господа! Кстати, у меня имеется превосходный пирог с капустой. Я вас угощу, – на всякий случай решила заранее подмаслиться Эмили.

– О, отлично, а то жрать что-то охота, – отозвался Том, потирая брюхо.

Эмили воспользовалась дружеской обстановкой и нагрозила Томаса своими картинами. Единственное, чего было у нее не отнять – это ее инициативы и умения сходить с любыми людьми.

Частный пансион миссис Шарп был неприятным местом. Грязная улица, мутные окна, заплеванная передняя. Но все это меркло в сравнении с размером и убранством покоев Эмили. Узкая каморка в три шага длиной. Обветшалые стены, кроме того, еще и кривые. Столом служил потемневший от времени деревянный подоконник, на котором стояла дешевая талловая свеча. Тут же рядом имелся обшарпанный стул, ножки которого, по-видимому, были разной длины. Оттого, верно, он покачивался при малейшем прикосновении. Напротив двери всего в двух шагах от порога стояла кушетка. В отсутствие комода вещи Эмили были навешаны на упомянутом стуле в углу и на гвоздях, торчащих из стены. На малюсеньком окне трепыхалась засаленная грязно-голубая занавеска, окончательно дополняя отвратительную картину.

Сейчас Эмили даже обрадовалась виду своего жилища. Есть надежда, что Билл не станет выжимать из нее больше уговоренного хотя бы по той причине, что у обитателя подобного места не может водиться свободных денег.

Повернув ключ в хлипком замке, Эмили нехотя пригласила Билла и Томаса войти. На всякий случай сама она осталась в дверях. Впрочем, для трех малознакомых людей комнатка в любом случае была крошечной.

– Прошу, милости прошу, сэр Билл, сэр Томас! А вон и пирог, – с улыбкой кивая в сторону подоконника, предложила Эмили.

Билл переступил порог. Сделал пару шагов в сторону окна. Отодвинув занавеску, выглянул на улицу.

– Не особо у тебя здесь... – громиле было явно тесновато в переделанном под комнату чулане.

– По средствам, – поддакнула Эмили. Хотя на самом деле была удовлетворена своим жильем – большинство приезжих обитали в бараках по несколько семей в одной комнате. А у нее отдельная площадь, хоть и небольшая. Спасибо связям. Хозяйка пансиона являлась дальней родственницей соседки тетушки в деревне. Невесть какое родство, но все же.

– Что ж, где там твой капустник... И пойдём мы, пожалуй, – Билл снял полотенце с тарелки, на которой лежал заявленный пирог. Не церемонясь, он разломил выпечку на две части: одну взял себе, другую протянул Томасу. – Всё, пошли мы. И смотри у меня: с тебя еще семь шиллингов до субботы, – перстом погрозил Билл, но уже не так свирепо, как накануне.

Эмили вздохнула с облегчением, когда дверь за гостями захлопнулась. Надобно по возможности сменить местопребывание. На всякий случай! Но на какие средства? Этот пансион – единственное более или менее пристойное жилье, что нашлось за доступную цену. К тому

же здесь включен ужин – суп, от которого имелись лишь название да вода; в последней иногда даже что-то плавало.

Заперев дверь на погнутый крючок, Эмили устало рухнула на кровать. Достав из лифта утаенные от Билла четыре шиллинга, она немного полюбовалась ими, а потом засунула в щель между стеной и дверным косяком, заткнув тайник тряпкой.

Усталая, но вдохновленная прошедшим днем, особенно мыслями о молодом господине, Эмили взялась за уборку. Перво-наперво она отправилась к хозяйке пансиона за теплой водой, щеткой, уксусом и куском мыла. Жилище, конечно, так себе, хотя и дешево обходится... Приличного человека на пирог с чаем позвать проблематично – можно напугать. Например, изысканного мистера Джеймса сюда пригласить невозможно. Но зато Билл уgomонился со своей арендой. А приведи она его в апартаменты из трех комнат, плата бы мигом возросла!

– Замуж тебе нужно, – вывела миссис Шарп, протягивая Эмили инвентарь.

– Ох, миссис Шарп... – вздохнула Эмили, которая постоянно слышала от окружающих один и тот же совет. Они словно сговорились! – Я не против того. И лет мне уже столько...

– Так в чем дело? – хозяйка пансиона удивленно оглядела красивую Эмили.

– Право, не знаю... Не получается у меня ничего... – призналась Эмили.

– Должно получаться. Участь старой девы незавидна. Ты будешь считаться неполноценной, обузой для своей семьи. Будешь обязана вставать в присутствии замужней женщины. У тебя не будет никаких прав. Даже твое слово ничего не будет значить. И еще много-много чего... Мой муж не был идеалом, но он хотя бы дал мне свое имя, – поделилась миссис Шарп кусочком своей биографии. – Так что замужество обязательно. Я научу... – хозяйка пансиона захлопнула дверь в общую кухню, не желая, чтобы их подслушивали. В таком месте это неизбежно. – Есть способ. Тебе необходимо очень захотеть союза с подходящим человеком. Ты должна заранее знать, каким он будет. Обеспеченным, великодушным... «Очень захотеть» – поняла?

– Да я и так очень хочу, – Эмили была немного авантюристкой, в положительном смысле слова, но не лицемеркой. И не отрицала ни перед собой, ни перед людьми, что желает замужества. Ведь многие ее знакомые уже звались миссис и нянчили детей. А она все нянчилась сама с собой. Да, ей не помешал бы жених. Особенно в этом городе, где, оказывается, столь непросто. А ей даже не на кого опереться. – Но, миссис Шарп, вокруг столько ограничений... Как можно сыскать приличного жениха, если и смотреть в сторону мужчины считается неприличным? – Эмили не открыла Америку. Действительно, требования общества были столь завышены, что порой доходили до абсурда. В таких обстоятельствах многие женщины не становились замужними никогда.

– Ты не поняла, – миссис Шарп приблизилась к уху Эмили. – Я сказала, ты *очень* должна захотеть изменить свою жизнь. Так сильно, как только можно желать чего-либо. Поняла? Теперь иди и пробуй! – миссис Шарп выдворила Эмили из кухни и вернулась в кресло, рядом с которым ее ждала корзинка с шерстью и спицами.

Полночи Эмили мыла окошко, оттирала замызганные стены. Затем вознамерилась украсить жилище. Но из нарядных вещей у нее имелась лишь вышитая крестиком скатерка, привезенная из деревни, по настоянию тетушки. Присев на кушетку передохнуть, Эмили взяла листок бумаги. И принялась составлять список того, что может помочь ей скрыть недостатки этого места.

– Куплю косички лука – повешу на стену, где потертости и пробоины... – рассуждала вдохновленная удачным знакомством Эмили. – На пол надо подобрать коврик – закрыть дыру в доске. И еще нужно раздобыть большую корзину и велюровое покрывало – замаскировать барахло в углу. Бархат придаст жилищу черты обители настоящего художника. В шиллинг можно уложиться. Нет, это дорого. Хотя при переезде почти все это можно будет забрать в новый дом...

Безденежье – это то, что тяготило Эмили всю ее жизнь. Она постоянно думала о своей бедности. И боялась ее. Засыпая, она в уме просчитывала расходы. Отдыхая или сидя в ожидании где-либо, в поезде или хоть на рынке, она умудрялась выложить основные суммы расходов в таблицу и распланировать поступления на месяц вперед. Любая мелочь вроде новых башмаков была для нее праздником. Она лишь в мечтах могла позволить себе новый гардероб или вкусный завтрак. Пока ей приходилось обходиться дешевой едой и одеждой, сшитой своей иглой. Она чувствовала, что заблуждается, пытаясь украсить убогое жилище, которое невозможно преобразить. И все же ей хотелось перемен. И единственное, что у нее пока имелось в наличии – это ее решимость.

Глава 5. Мистер убийца

Каждое утро в пять утра раздавался стук в дверь, сопровождаемый одним и тем же возгласом: «Проснись, художник!». Это была миссис Шарп, выполняющая, по просьбе Эмили, роль будильника. Наспех собравшись, Эмили поторопилась на кухню: выпить воды и съесть ломтик хлеба с ягодным джемом перед работой.

– Какая красавица, – констатировала миссис Шарп, глядя на отдохнувшую и воодушевленную Эмили. Настроение человека может украсить его, как и получилось в случае с Эмили. Думая о вчерашнем удачном дне, она радовалась, будто светясь изнутри.

– Благодарю, миссис Шарп, – смутилась Эмили неожиданному комплименту.

– Знаешь, принято считать, что красивым легко живется, – миссис Шарп покачала головой со знанием дела. – Но это не совсем так. У красавиц больше возможностей. Но живется им нелегче. Никого в этом мире так не ненавидят, как красивых женщин.

– Почему? – недоумевала Эмили, засовывая в рот остатки горбушки. Ей казалось, что если она никому не делает дурного, то окружающие будут к ней, по меньшей мере, нейтральны.

– Зависть и злоба, – обозначила тезисы миссис Шарп. – Женщины завистливые и злые создания по отношению к тем, кто с ними одного пола. И они будут досаждают тебе, – предупредила миссис Шарп. – По крайней мере, большинство из них. Найти искреннюю подругу – это редкость и везение.

Небо было затянуто тяжелым серым покрывалом. Торгующей под открытым небом Эмили оставалось лишь надеяться, что тучи пройдут стороной. Приближение холодов натолкнуло художницу на мысль, что со временем нужно будет испросить у Билла местечко с навесом. Хотя он ведь и аренду заломит за такую роскошь. Надо обдумать заранее свои аргументы!

В ходе вчерашней беседы с соседкой Эмили открылось, что на рынке все-таки присутствует некая упорядоченность торговых точек. И просто так перепрыгнуть на другое место не получится. Впрочем, рыбный запах уже не так смущал ее, как со временем перестает смущать все неизбежное.

Зевая и кутаясь в свой широкий шерстяной шарф, Эмили в легком оцепенении пыталась рассуждать сама с собой о перспективах заработка. Очевидно, что надо придумать какую-то изюминку. Ведь если продавать только леса и хваленые портреты, то далеко не уедешь. Если б не иностранец, она бы заработала за вчера всего один жалкий шиллинг. А если бы не было малыша с мамашей, то вообще ноль шиллингов!

Сегодня покупателей было еще меньше, чем накануне. Поэтому Эмили решила пройтись по рынку, познакомиться с остальными участниками торга, выменять картины на ткань, корзину и лук. Коллеги оказались радушны и приветливы. И в целом задумка удалась – бартер был осуществлен успешно. Только за лук пришлось отсчитать несколько монет какой-то вредной бабке, абсолютно далекой от искусства и ни в какую не соглашающейся на сделку по обмену овощей на живопись.

Эмили несла в руках свои приобретения, загораживающие собой ей весь обзор. Вот сегодня, пожалуй, было бы неплохо, чтобы Билл с Томасом проводили ее до дома. Иначе придется нести весь этот скарб самой. А тратиться на извозчика или на билет в омнибусе – это все равно, что купить эти товары втридорога!

На пути Эмили вдруг возникла замечательная лавка – маленький магазинчик. Владелец оказался словоохотливый старичок, торгующий книгами и журналами. Свое дело он наследовал от отца. Когда-то у них был собственный книжный магазин, который, к несчастью, сгорел при пожаре. С тех пор старичок торгует на этом захудалом рынке и крытая лавка – единственное, что он может себе позволить. Он показал Эмили несколько красивых книг. И среди прочего – иллюстрированные мемуары одного путешественника. Эмили призадумалась. И через

пять минут она уже уговаривала старичка одолжить ей на день одну из этих чудесных книг. Взамен, разумеется, она предложила ему пейзаж для его лавки в качестве украшения интерьера. Старичок отказался от пейзажа, но попросил взамен на книгу нарисовать ему новую вывеску. Эмили с радостью согласилась.

И уже вскоре со стороны выставки картин раздавались радостные возгласы.

– Леди и джентльмены, не проходим мимо восхитительного предложения! Ваш образ на фоне достопримечательностей Мадрида и Брюсселя, Парижа и Афин! Вдали виднеется Везувий и Карпаты, а на переднем плане – фигура в модных одеждах – это и есть вы! – громко гласно вещала Эмили, размахивая шарфом. Ее недавняя скромность отступила в сторону под натиском суровой реальности. – Подарите память об этом путешествии, которого вы еще по каким-то причинам не успели совершить, себе и своим потомкам! А может быть, и завистливому соседу! Или вашему банкиру, чтоб не торопил вас с выплатами! – Эмили была убеждена, что даже на глупейшую идею и самый bestолковый товар сыщется хотя бы один желатель. – Ваш образ на фоне древних столиц всего за два шиллинга! А также не забываем обзавестись экспрессом-портретом, как символом этого безвозвратно уходящего дня... Не оставляем в стороне пейзажи и натюрморты для кабинета, гостиной и кухни!

Эмили уже почти посадила голос, как неожиданно к ней подседа молодая щеголеватая особа. На девушке было помпезное темно-вишневое платье и вычурная шляпа с продолговатыми полями. Как и полагалось, молодая англичанка была при аксессуарах. Зонтик и сумка того же цвета, что и наряд, болтались в руках особы. Эмили казалось странным только одно... Что все эти солидные люди забывают на столь позорном рынке?!

Через минуту разговора выяснилось, что девушка по имени Джол нуждается в изображении своего образа на фоне построек Парижа.

Эмили пыталась понять для себя, эффектен или безвкусен возникший перед ней образ. Все в посетительнице было неестественно. Претензионный вид и нарочито чопорные манеры. Как свысока она взирает... В ее «великородном» взгляде имеется даже некое осуждение.

– Не думай, это не леди. А дешевка из трущоб, целыми днями шатающаяся по рынку в поисках поделок дорогих вещей, – шепнула соседка Каролина на ухо Эмили, словно услышав мысли последней. – Покупает все, что блестит.

– Но и на глупые траты нужны средства... – Эмили недоумевала, откуда у «дешевки из трущоб» деньги, если она «целыми днями шатается по рынку».

– Чья-то содержанка, – пожала плечами Каролина.

– Зачем ей тогда картина? – шепотом спросила Эмили у Каролины, пока посетительница припудривала нос, готовясь выступить натурщицей.

– Да мало ли! Задумала потрясти воображение подруг портретами из Парижа!

С новой клиенткой оказалось нелегко сторговаться. Ей хотелось получить изображение за полшиллинга, а не за два. В итоге сговорились на одном. При этом Эмили предстояло изобразить особу в вишневом платье, сидящей на качелях возле Лувра. С собачкой в руках. И пажом, придерживающим зонтик. Больше нелепости даже Эмили придумать не могла, но за шиллинг была готова и на это.

Эмили достала из коробочки пастель и принялась растирать линию неба. После беседы с клиенткой стало ясно, что Каролина была права в своей жесткой оценке. Как и кого могла привлечь эта отталкивающая Джол? И чем она сама, Эмили, хуже? Быть может, своим строгим платьем? Или своим простодушием? Да, в ней мало притворного, кокетливого. Она, пожалуй, слишком открыта. Ей следовало бы напустить на себя такой же важности, как делает Джол. Но нет, она не такова. Совсем не такова.

Наконец работа была завершена. Клиентка тут же выразила недовольство длиной и цветом своих волос, а также формой головного убора. По поводу лица она ничего не выражала попросту потому, что Эмили изобразила путешественницу издали, как и было задумано. При-

рисовав пышные банты к шляпке и второго пажа-помощника возле качелей, Эмили попросила оплату. Фыркнув, особа выдавила из себя шиллинг и скрылась с картиной в руке без прощаний и благодарностей за в целом удачную работу.

– С обслугой не прощаются, – усмехнулась Каролина. С Эмили они сдружились удивительно быстро, разговаривая обо всем правдиво и прямо.

– Мы разве обслуга? – поразилась Эмили.

– Для богачей мы вообще не люди, – вздохнула Каролина. – Если удачно выйдешь замуж и станешь богатой, то не задирай нос перед слугами! – напутствовала Каролина, хихикнув.

В этот день Эмили нарисовала еще пару портретов. Правда, за половину от объявленной цены. Заработав два шиллинга, Эмили отдала один Биллу и один оставила себе: не нужно спешить с досрочной оплатой по счетам.

Вернувшись вечером домой, Эмили сразу легла спать, позабыв об ужине. Ночью ей снились какие-то глупости, в том числе Лувр и тысяча маленьких белых собачонок.

****

Прошло несколько дней. Погода испортилась, но, к счастью, не настолько, чтобы помешать продаже картин. Однако предусмотрительная Эмили почти постоянно с ужасом думала о предстоящем сезоне дождей.

Неделя завершилась. Началась новая. И вот уже прошла среда. Минул бесследно четверг. А месье Джеймс так и не появился.

Наступила пятница. Эмили была расстроена. Сначала за заботами она вроде позабыла о щедром молодом человеке. Но ближе к злосчастной среде вспоминала о нем все чаще. А потом уже не выпускала его образа из головы, то и дело всматриваясь вдаль. В эти дни она особенно тщательно занималась внешностью. Поправляла вьющиеся рыжие волосы. Помадила губы каждую свободную секунду. И конечно, не забыла о пилочке для придания ее ноготкам особой формы, модной нынче в Лондоне.

Но все усилия оказались тщетными. Тот, для кого она старалась, так и не появился. Сие разочарование породило уныние. Что в свою очередь повлекло вереницу неудач. Покупателей совсем не было, а аппетиты Билла все увеличивались – он уже требовал аренду вперед за всю будущую неделю. Эмили пробовала не терять времени даром и творить, вопреки отсутствию вдохновения. Но избитые леса и поля уже возымели на нее действие рвотного порошка. Единственное, на что хватало ее вдохновения – это правка уже готовых картин. Вот так всегда! Только она заметит кого-то подходящего на роль супруга, как он куда-то девается!

Под вечер меланхолия охватила Эмили. Сегодняшний день ничем не отличался от предыдущего, а предыдущий от того, что был перед ним. С утра до ночи она дорисовывала и правила, так ничего и не продав. А если что и продала, то заработала так мало, что об этом и вспоминать не хотелось. Надо еще посчитать, окупилась ли эти сделки. Пигменты, холсты – все это обошлось недешево! А конечный продукт в итоге ушел почти задаром. И вновь на первый план выплывают денежные трудности. Опять ее мозг атакован размышлениями об оплате жилья и места на рынке.

Начало смеркаться. Эмили стала потихоньку сворачиваться, как к ее выставке подошел незнакомец. Это был господин средних лет. Можно сказать, пожилой. Одетый в добротное черное пальто с высоким стоячим воротником, способным защитить от ветра и любопытных глаз. В левой его руке была трость с сияющей золотом головой льва на рукояти, а правую в перчатке он заложил за спину. На голове его красовался высокий цилиндр, отбрасывающий тень на все лицо. Загадочный господин прошелся вдоль поредевшей выставки. И остановился возле незаконченного портрета, который Эмили начала рисовать сегодня с какого-то нетерпеливого клиента, не захотевшего дожидаться результата и умчавшегося, так ничего и не заплатив.

– Сэр желает экспресс-портрет или пейзажи? – устало вопрошала Эмили, хотя уже и не надеялась на удачу. Рынок почти опустел. А посетители не любят оставаться среди мусора и разбросанных коробок.

– Портрет, – задумчиво протянул господин, глядя на неоконченную работу Эмили.

– Пожелание господина – закон! Прошу в это кресло! – мигом ожила Эмили. Она усадила посетителя все на ту же деревянную коробку, сделавшуюся неизменным местом натурщика. – Всего за два шиллинга сэр получит вечерний экспресс-портрет!

Господин никак не прокомментировал цены портрета, что немало порадовало Эмили. И она с жаром принялась творить. У незнакомца оказалось интересное лицо. Некрасивое, но занимательное. Широкий лоб, маленький подбородок, глаза с большими черными зрачками. Его взгляд казался пустым. Но то и дело появлявшаяся морщина у переносицы говорила о том, что он сосредоточен и увлечен какой-то мыслью.

Эмили трудилась дольше обычного. Уже почти стемнело, кое-где даже зажгли фонари. А портрет был все еще не окончен. Многие торговцы закрыли свои лавки и отправились прочь с рынка, насвистывая веселые песенки о милом доме. Прошагал мимо старичок из книжной лавки, махнув Эмили рукой напоследок. Громко прокатились веселой кучей Билл с пацанами, кивнув Эмили на прощание и как-то гнусно подшутив над господином в кресле.

В этот вечер Эмили и Каролина договорились возвращаться домой вместе. Но и торговка рыбой, не дождавшись соседки, попрощалась с ней и собралась идти одна.

– Сэр, вы в умелых руках! – добавила Каролина напоследок, многозначительно оглядев богатого господина.

Подобное замечание не было случайностью. Каролина и Эмили помогали друг другу советом, подаренным клиенту якобы от третьего лица, незаинтересованного в последствиях. Каролина нахваливала талант Эмили, а Эмили твердила об особой свежести рыбы, лежавшей на прилавке Каролины.

Рынок опустел. Эмили закончила портрет под свет фонарных столбов. Все это время господин молчал, хотя и задал Эмили пару простых вопросов. Наконец работа была завершена.

– Прошу, ваш портрет, мистер?.. – вопросительно улыбалась Эмили, протягивая клиенту рисунок.

– Уолдри... – господин взял портрет и внимательно оглядел его.

– Как вы находите эту работу? – поинтересовалась Эмили больше из приличия, поскольку, судя по солидному виду господина, он бы заплатил за портрет, даже если бы на нем была изображена телега.

– Недурно... – мистер Уолдри неожиданно забрал у Эмили карандаш и задумчиво добавил, – но, впрочем, он не совсем точен, – с этими словами он стал править рисунок уверенными движениями.

Эмили раскрыла рот. Никогда раньше она не видела, чтобы кто-то так легко и быстро подчеркнул за несколько секунд то, что было еле уловимо, но все же необходимо для придания образу точности. Через минуту с портрета на нее смотрел уже как живой господин Уолдри, точь-в-точь каким он был сейчас.

– Мистер Уолдри, вы... Вы художник? – восхищенная Эмили была осенена внезапной догадкой.

– В своем роде... – подумав, господин добавил, – да. Я художник.

У Эмили заблестели глаза – сразу видно, настоящий мастер! Наверняка, он придворный живописец его величества или что-то вроде этого. Но как минимум признанный талант. Жаль, что она несильна в современной живописи и ее светилах, и его имя ни о чем ей не говорит. Но зачем же такому великому художнику понадобилось рисовать свой портрет неизвестно у кого да еще и на грязном рынке?! Может быть, он покинул свою согретую дыханием муз мастерскую в поисках помощника? Может, ему нужен толковый подмастерье?! Ох, если б это было так!

От этой мысли у мечтательной Эмили захватило дух. Через миг она уже видела себя в огромной светлой студии... В свете канделябров... С палитрой в руках и в перепачканном красками фартуке...

– Что ж, такая неожиданность, – неуверенно замямлила Эмили.

– Ты из провинции? – поинтересовался господин, все еще не сводя глаз с портрета.

– Да, мистер Уолдри, – почтительно подтвердила Эмили. Вот сразу видно, подлинный талант, пронизательный взгляд художника! Мастер, от чьего взора не ускользнет истина!

Мистер Уолдри свернул портрет в трубочку и перевел угольный взгляд своих бездонных глаз на Эмили. Он с полминуты изучал ее лицо, отчего ей стало не по себе. Почему он так пристально смотрит на нее? Может быть, хочет нарисовать ее? Она красива, и ей несколько раз предлагали выступить натурщицей. Но она отказалась, поскольку настаивали на обнажении. Как бы там ни было, лучше бы этот господин предложил ей постоянную работу, а не разовый заработок.

Мистер Уолдри еще раз прошелся вдоль выставки, не обделяя взглядом ни одной работы. Все они сейчас казались Эмили убогой мазней. Ей было даже стыдно предлагать их взору столь опытного ценителя. Она скромно молчала, не рекламируя своих трудов, хотя и надеялась, что все не столь безнадежно. Может, что-то из этого бестолкового скопища будет достойно искусленного взора и хотя бы пары шиллингов.

– Я беру всё, – спокойно заявил мистер Уолдри, небрежно махнув в сторону выставки.

Эмили была в изумлении. Сколько с него запросить за «всё»? Десять, пятнадцать шиллингов? Некоторые из картин не стоят и монеты, а некоторые, напротив, совсем не плохи. Семнадцать шиллингов... Или нет, восемнадцать...

Господин достал из кармана несколько монет и протянул Эмили. Она почтительно поблагодарила, но, посмотрев в ладошку, чуть не лишилась дара речи – в ее руке было пятьдесят шиллингов. Да в нынешнем положении это же целое состояние!

– Господин очень щедр, – проскрипела Эмили. – Благодарю. Если я могу чем-то...

– Что вы собираетесь делать, когда торговля под открытым небом станет невозможна? – не обращая внимания на благодарности, продолжал мистер Уолдри. – Скоро начнутся дожди. Сырость плохо отражается на красках, как вам, вероятно, известно.

– Я, признаться, пока не задумывалась... – Эмили не успела договорить.

– У вас есть небольшой талант, мисс... Думаю, при определенных условиях ваши дарования могли бы перерасти в нечто более значительное, чем леса и яблоки, – сдержанно заключил мистер Уолдри.

– Я, кажется, понимаю! Мистер Уолдри – художник, и ему требуется помощник? – выдвинула желанную догадку Эмили.

– У меня уже есть помощник, – ответил господин в цилиндре, еще раз окинув взглядом приобретенную им выставку.

Эмили отказывалась верить своим ушам. В секунду все мечты разрушились, и она чуть не заплакала от горя. Такой щедрый господин! Быть его помощником, вероятно, очень легко и приятно. Наверняка, еще и комнату выделил бы в своей мастерской. И ей не пришлось бы снимать жилья. А ведь это значительные траты!

– У меня есть помощник, – повторил господин. – Но вас я тоже возьму к себе, – подытожил мистер Уолдри неожиданно.

– О, мистер Уолдри, я согласна! Даже если мне целыми днями придется дорисовывать незаконченный лошадиный круп!

– Простите? – господин мрачно оглядел Эмили.

– Ну если портрет будет конный... Дворянин на лошади... – смутилась Эмили своему искреннему порыву и неудачной шутке. Один ее знакомый, тоже «живописец», рассказывал, как работал у мастера. Последний изображал дворянина на коне, его лицо. А, собственно,

лошадь и прочую чепуху вроде бантов, пуговиц и медалей вырисовывал как раз тот знакомый Эмили. Ведь большой художник не тратит свое время на пустяки.

– Ах, это, – господин был серьезен и еще ни разу не улыбнулся. Эмили даже показалось, что он вовсе не понимает шуток. Да разве это имеет значение, когда речь идет о зарработке! – Я буду платить вам по сто шиллингов в месяц... Для начала... А там будет видно.

Эмили опешила. Сто шиллингов в месяц – это весьма и весьма приличное жалование. Учитывая тот факт, что ей не придется платить аренду Биллу и мокнуть под дождем. Да что уж скрывать, это шикарно! Вот оно – счастье! Как говорится в старинной поговорке, все самое лучшее случается неожиданно!

Огромный груз с грохотом спал с утомленных плеч Эмили. Неужели закончены ее долгие скитания?.. Жалование отменное. К тому же это ведь для начала. Можно будет пойти учиться в художественную школу. А может быть, у этого господина такой умелый помощник, что научит ее всем премудростям. И никакая школа не понадобится! Кроме того, появится возможность позаботиться о жилье. Теперь уже не будет этого позора грязных переулков и заплыванных пансионатов! Да и тетушке в деревню останется, что отправить. Если жить скромнее, можно даже кое-что отложить... В будущем купить дом... Или хотя бы отдельный юнит с балконом...

Эмили была вынуждена всегда что-то откладывать. Каждую монету приходилось сберегать. И мечтая о жилье, она наперед помышляла, на чем можно сэкономить уже сейчас. Она вышла из задумчивости, когда мистер Уолдри к ней обратился.

– Мисс, у меня экипаж. Я могу подвезти вас до дома. А завтра к двенадцати дня вы придете ко мне на Флит Стрит, и я познакомлю вас с мастерской и, собственно, с предстоящей вам работой. Мой помощник введет вас в курс дела. Я получил несколько крупных заказов, так что ваша помощь будет нелишней. А кстати, когда вы сможете приступить?

– О, я? Да хоть завтра! – Эмили была счастлива. Еще никогда в один день не выпадало ей столько даров фортуны. Она светилась от радости, складывая картины и художественный инвентарь. Хорошо, что она не успела отдать Биллу всех денег в счет будущих платежей! Надо договориться с господином Уолдри по поводу небольшого аванса... Вот только будет жалко, если Джеймс наконец придет сюда к ней, а ее не окажется на месте... Ведь несмотря ни на что, она продолжает думать о нем.

Уже совсем стемнело, когда Эмили и мистер Уолдри подошли к экипажу. Вокруг не было даже прохожих. Эмили деловито нагрузила кучера багажом.

– Дружок, вот, возьми-ка и пристрой куда-нибудь! – распорядилась Эмили. Кучер медленно повернул голову и оглядел Эмили. Молча взял то, что она ему совала, и заложил куда-то под лавку, отвернувшись также без слов. Он был одет в черный дождевик и шляпу с широкими полями. Огромные сапоги торчали на подставке. Он был так угрюм, что Эмили решила больше не тревожить его.

Разобравшись с багажом, она при помощи господина Уолдри забралась в экипаж, который оказался просторен, но не слишком уютен. Темные стены, неудобная жесткая лавка, малюсенькие окошки.

Переступая порог экипажа, Эмили почувствовала дуновение тревоги. Сердце вдруг замерло, но сразу отпустило. Тут только у нее проскользнула зловещая мысль о том, что она впервые видит этого господина и его странного кучера. Она ничего не знает о мистере Уолдри кроме того, что он сам о себе рассказывал. Это обстоятельство заставило Эмили призадуматься. Темная ночь, окраина Лондона, а вокруг ни души... Лишь господин, не понимающий шуток, и его подозрительный кучер. От этой мысли Эмили пробрал холодок, подло пробежавший по коже тысячу острых иголок. Вообще, Эмили всегда с опаской относилась к людям, которые не смеются вместе с окружающими.

И как странно получилось, что все это только сейчас пришло ей на ум. Раньше в жизни Эмили не было ни одного случая, подобного этому. Ее нельзя было упрекнуть в беспечности

или легкомыслии. Она всегда была очень и даже слишком осторожной. Что же затуманило ее бдительность? Может быть, как ни банально, вид пятидесяти шиллингов? А может быть, предложение, сделанное ей господином Уолдри по поводу перспективной работы? Или это его выражение: «Завтра к двенадцати дня придете ко мне на Флит Стрит». А может быть, она позабыла об осторожности после появления милого месье Джеймса? Все эти факторы вместе в один миг превратили предусмотрительное создание в глупую растяпу, готовую попасться на примитивную злодейскую удочку.

Случалось, Эмили несколько раз предлагали прокатиться в экипаже незнакомые, но приветливые мужчины. Как правило, это происходило в ненастье. И их предложение походило на заботу. Тем не менее она всегда отказывалась, даже если стоял день. И дело не только в осторожности, но и в правилах приличия. Да, она не из высших сословий, но зато она соблюдает себя. Можно сказать, содержит в строгости. Осторожность и строгость – вот ее спутники! Но сегодня... Что с ней этим вечером?! Впрочем, пока нет повода для беспокойств. Следует просто быть внимательней на будущее.

Эмили вздохнула и посмотрела в окно. Лондон мелькал перед глазами, уносясь вдаль оранжевыми огоньками. Мистер Уолдри сидел напротив и пристально смотрел на нее. Одна его рука была в кармане, а другой он придерживал трость. Царило молчание. Вдруг Эмили заметила, что карета повернула налево, в лес. В то же время ей, Эмили, нужно было направо, вдоль аллеи и напрямиком к пансиону миссис Шарп, что находился неподалеку от старинной часовни.

– Мистер Уолдри, нам лучше вернуться. Я живу поблизости от... – Эмили старалась сохранять спокойствие. Но теперь явственно чувствовала, что все идет неправильно. И, возможно, ей грозит опасность. Что может быть у него в кармане?..

– Так будет короче... – зловеще прозвучал голос мистера Уолдри в такт завывающему на улице ветру.

– Мистер Уолдри, давайте все-таки поедем путем, который мне знаком. Я, знаете ли... – Эмили занервничала. Впоследствии она не могла объяснить, в какой момент родилось у нее чувство непреходящей тревоги, но, возможно, именно в этот.

Эмили не успела договорить. Подняв глаза на попутчика, она в ужасе отшатнулась, ударившись головой о спинку сиденья: перед ней была искаженная нечеловеческой ненавистью гримаса демона, восставшего из самого сердца преисподней. Выпученные глаза сумасшедшего глядели на нее, полные безумия. От испуга ей стало казаться, что эти страшные очи рдеют пламенем, а вся карета залита багровым заревом. Мистер Уолдри метнулся к ней, в его ладони была какая-то тряпка. Он замахнулся свободной рукой, чтобы ударить Эмили, но она увернулась, на ходу открывая дверь экипажа. Карета мчалась с адской скоростью. Но сейчас это обстоятельство волновало Эмили меньше всего. Лучше сломать себе кости при падении, чем оказаться в лапах маньяка.

Чудовищный господин схватил Эмили за волосы и дернул к себе, одновременно пытаясь прижать к ее лицу тряпку. На Эмили волной нахлынула паника. Эмили отчаянно отбивалась, вспомнив наконец про небольшой ножик для заточки карандашей, который она всегда лихо носила при себе в голенище сапожка. Она и не предполагала, что ей представится случай воспользоваться им не по назначению. Ножик был хлипкий и сошел бы разве что для разделки селедки. Но в столь критической ситуации и он был кстати. Эмили, как могла, замахнулась и ударила им мистера Уолдри куда-то в область плеча. К несчастью, атака не возымела ожидаемого действия: лезвие отлетело под лавку, со звоном ударившись об пол.

Эмили завизжала, пытаясь оттолкнуть попутчика и все-таки покинуть дьявольскую карету. Случайно задев мистера Уолдри ребром ладони, она попала ему куда-то в шею, видимо, в кадык. Агрессор стал задыхаться. А Эмили, не мешкая, дернулась из кареты.

Ударившись о землю, Эмили вскочила на ноги. Не чувствуя боли, побежала в противоположную сторону от направления, куда двигалась карета. Ветки царапали лицо Эмили, цеплялись за ее волосы. Она спотыкалась о ямы и сучья, падала, поднималась и бежала снова. В лесу было темно и тихо. И лишь бледная Луна, задыхающаяся в тяжелых серых облаках, скупо освещала ей дорогу.

Совсем выбившись из сил, со жгучей болью в груди Эмили упала на холодную землю, укрытую сырыми осенними листьями. Силась перевести дух, Эмили прислушалась – погони не было. Или была... Звуки ночного леса пугали ее. Казалось, что вот-вот из-за куста покажется мистер Уолдри. Тревожно всматриваясь в темноту, Эмили поняла, что все это ей лишь мерещится, поскольку экипаж не замедлил хода, когда она выпрыгнула из него. Но страх застилал покрывалом ужаса убедительные доводы разума. Передохнув всего пару минут, Эмили снова припустилась в сторону города. И наконец достигла окраины Лондона.

Теперь все здесь ей казалось подозрительным и угрожающим. Кто-то из случайных прохожих окликнул ее, вопрошая, не требуется ли ей помощь. Но она ничего не ответила, а только боязливо ускорила шаг, заворачивая в первый же переулочек. Догадавшись, что заблудилась, Эмили почувствовала изнеможение. Она была готова упасть прямо на том самом месте, где ее застигло это новое отчаяние. Но повернув голову, узнала вдалеке ту самую часовенку, рядом с которой находился пансион миссис Шарп.

Стрелой влетев в свою комнатку, Эмили с грохотом захлопнула дверь. Судорожно зашторивая окно и все еще дрожа, Эмили в ужасе отшатнулась от подоконника – из-за стекла на нее смотрели два огненных глаза господина Уолдри. Его ужасные глаза! Эмили взвизгнула, но уже через секунду поняла, что испугалась напрасно: это были всего лишь огоньки фонарей где-то вдалеке.

И не было ничего удивительного в том, что этой ночью сон совсем не шел к ней. Ворочаясь на подушке, Эмили наконец решила чем-нибудь заняться, а не мучить себя бесплодными попытками уснуть.

Помимо созданных ею картин, с господином Уолдри умчался весь ее художественный арсенал. Эмили осталась без средств к творчеству. Однако она все же обнаружила в своем чемодане несколько баночек с красками. Цвета имелись только темные, но в этом конкретном случае они подходили к настроению как нельзя кстати. Найдя какую-то поредевшую старую кисточку и кусок холста, Эмили принялась творить, позволяя своей душе излить на полотно сдавливающий ее крик. Она рисовала порывисто, яркими мазками. Запивая свои искания в новом жанре бокалом красного вина с медом, выменного у миссис Шарп в полночь на завалившуюся среди прочего мусора картину, повествующую о природе Англии. В том то и дело, что раньше Эмили рисовала лишь пейзажи и натюрморты. Ничего мистического, ничего потустороннего. Но сегодня ей захотелось писать в стиле *hoggor*, выпустить наружу всю жуть узких лондонских переулочков, низость зажиточных господ и их роскошных экипажей. Эмили творила всю ночь: ночь отчаяния, вина и табака. На рассвете картина была завершена.

Эмили отодвинула занавеску, заслоняющую окно. В комнату проскользнули первые лучи рассветного солнца. Настал момент взглянуть на свое детище в законченном виде.

С холста разило сыростью и холодом промозглой осенней лондонской ночи. Извилистая лесная дорога, пропадающая в злобещей синева тумана. По дороге удаляется вдаль одинокая черная карета, мрачная, как тысяча саркофагов. Из окна экипажа безжизненно повисла женская рука с тонкими пальцами, с которых каплями стекает алая кровь. Вокруг ни души. Только Луна – молчаливый свидетель жестоких преступлений ночи – равнодушно смотрит с темных небес...

Завершив труды, Эмили наконец почувствовала себя усталой. Она легла в кровать, укрылась тонким пледом, затем шерстяным лоскутом, и уснула. В эти два часа ее сон был крепок и безмятежен, вопреки пережитому накануне.

Когда вскоре к ней в комнату постучала миссис Шарп, Эмили открыла глаза и огляделась. Взгляд пал на новую картину. Эмили сразу вспомнила вчерашний вечер, который уже начал казаться далеким и нереальным. Может быть, даже сном. Но картина подтверждала, что весь тот ужас ей не приснился.

Глава 6. Он вернулся

Придя на рынок, Эмили расположилась на своем обычном месте. Ничто здесь не изменилось, кроме нее самой. Она окинула привычную обстановку новым взором. Взором, выдавшим ужас неизбежности, о котором даже и не помышляют простые обыватели. И от этой мысли ей стало одиноко. Эмили была ненастна, как октябрьское утро. Руки ее, теперь одетые в черные перчатки без пальчиков, как у всех торговцев, держали горячую чашку с кофе и неизменную папиросу, дым от которой медленно и меланхолично поднимался ввысь. Лицо Эмили ничего не выражало, потому казалось еще мрачнее. И сегодня у нее была всего одна картина – та, которую она изобразила этой бессонной ночью.

Предстояло купить новый инвентарь. Но это не тревожило Эмили – на данный момент у нее есть все необходимое для работы. Эмили прихватила из дома остатки холста и оставшиеся баночки с темными красками. Этого, конечно, недостаточно. Несмотря на то, что она утратила свои полотна и принадлежности, у нее осталось главное в нынешней ситуации – пятьдесят шиллингов. Их-то она предусмотрительно положила во внутренний карман пальто еще прошлым злополучным вечером. А на эти деньги можно купить мешок подобных безделиц.

Всего одна картина. Зато сколько внимания со стороны публики! Было только утро, но уже несколько человек останавливались в решимости, чтобы купить ее. Эмили умышленно просила слишком дорого: она не хотела расставаться со своим загробным шедевром, по крайней мере, до тех пор, пока не снимет с него нескольких копий. С одной стороны Эмили любила эту картину и хотела оставить у себя на память и в назидание, а с другой – ненавидела ее. Ненавидела, как символ всего зверского и жестокого в этом мире. Завидев возрастающий интерес к готике со стороны публики, Эмили решила, что леса и поля нужно на время задвинуть. Тем более ее внешний вид как нельзя лучше гармонировал с новым стилем: мрачный художник на фоне мрачной выставки. У нее уже была тысяча сюжетов в голове, и каждый из них пронизан угрюмой тайной и дыханием смерти.

Сидя в «кресле» натурщика, она обдумывала новую картину. Ей хотелось вновь изобразить мистера Уолдри. Но не таким, каким он был вначале знакомства, а таким, каким он предстал перед ней в карете: в кровавом зареве ярости и безумия. Необходимо нарисовать портрет не просто человека, но чудовища. Создать изображение, которое передавало бы суть одержимой природы. И при этом избежать схожести с конкретным человеком. Сформировать один общий портрет для всех лондонских маньяков и убийц, извращенцев и насильников. Расплывчатые черты лица. Шляпа-цилиндр. И огненные глаза свирепого монстра, не слышащего мольбы, не знающего жалости.

Эмили уже начала творить новое произведение, как увидела приближающихся Билла и Томаса. Они оживленно о чем-то говорили.

– Привет, Билл! Здравствуй, Томми! – Эмили сейчас было не до любезностей, поэтому она оставила в прошлом учтивые реплики: «Сэр Билл! Сэр Томас!». Эти примитивные банditы уже не вселяли в нее прежнего трепета. Еще бы! Они и в подметки не годятся мистери Уолдри!

– Приветик, – поздоровался Билл по-свойски. – Нам тут Каролина рассказала о твоём походе. Очень рады видеть тебя во здравии!

– Едва... – призналась Эмили, не удержавшись от искренности.

– Такое за один час не забудется, – кивнул Том.

– Я теперь буду бояться ходить по вечерам, – всплеснула руками Эмили.

– Ну так чего ходить?! Ты, главным образом, не подсаживайся ни к кому в экипажи, – посмеивался хозяин рынка.

– Билл, у меня к тебе дело: мне нужно оружие. Например, нож. Может быть, это можно как-то устроить... Если бы вчера у меня было сносное оружие... – Эмили сделала неопределенный жест рукой. Наверное, даже если бы у нее была сабля, это не слишком бы изменило положение. Но хоть поддержало бы дух.

– Подыщем... – далекого от викторианских ценностей Билла не особенно удивило пожелание Эмили. Хотя девушкам следовало демонстрировать слабость и падать в обмороки, а не сражаться с кем-либо. Только будучи нежными розами, они, в глазах общества, могли рассчитывать на защиту мужчин. Но разве не была Эмили розой еще вчера вечером?! И да, к сожалению, жизнь порой заставляет теорию разойтись с практикой словно назло. – А как с деньгами? Продаешь что-нибудь? – для Билла бизнес был первостепенен.

– Я сейчас заплачу за эту неделю... – Эмили уже копошилась в кармане, попутно продолжая изливать поток откровений. – Мне страшно! Билл! А если этот маньяк придет сюда снова? Он сумасшедший! – Эмили уже забыла о своей осторожности по отношению к хозяину рынка. Хотелось с кем-то поделиться своими ощущениями и найти сочувствие.

– А в полицию заявила? – задал банальный вопрос Билл.

– Никуда я не заявляла! Да разве они найдут его? Только время зря потрачу! – была убеждена Эмили. Билл лишь пожал плечами в ответ на эту пылкую речь.

– Понятно. Ну я пошел, – Билл подмигнул Эмили на прощание, засовывая полученную от нее плату в карман. – Если что, то зови. Мы тут... Скрутим твоего старикашку...

За этот день Эмили сняла несколько копий с картины с каретой. В целом все шло удачно. Но Эмили казалось, что ее угрюмое настроение не изменится уже никогда.

И снова бытовые тревоги. Надо что-то решать со скарбом. Если повторится случай, аналогичный происшествию с маньяком – она уже не сможет так быстро устранить понесенные издержки. В этот раз она чудом осталась цела. Да еще и с полными карманами. Но на будущее нужно все продумать. Поговорить с Биллом. Может быть, у него найдется какая-нибудь каморка, где можно хранить товар. Да и домой налегке будет проще добираться. Хорошо бы договориться еще и о местечке с навесом... А то в противном случае можно уже сейчас начинать паковать чемодан и ехать обратно в деревню. Также пригодятся новые пигменты – леса Рима неплохо расходились... Но основной упор будет сделан на готику и экспресс-портрет... Да и цвета там все простые... Святая пятница, сколько забот!

– Что вам угодно, сэр? – Эмили отвлеклась от своих дум на какого-то прохожего, в изумлении остановившегося у картины с каретой. Он даже снял очки и подошел к сюжету мрака вплотную.

– Я беру эту картину! Она изумительна! Мисс, вы сами ее нарисовали?! От нее веет могиллой! Это око самого Таната! Созерцатель будто лично оказывается в зловещем лесу наедине с неизбежностью! Сколько вы за нее просите?! – суетливый мистер уже рылся в кошельке.

– Шесть шиллингов, – Эмили не хотелось расставаться с полотном, поэтому она умышленно завысила цену. Но если этот любезный мистер согласится с таким наглым ценником, можно, пожалуй, и продать ему рисунок.

– Давайте за пять? Правда, у меня только пять! Но она мне очень понравилась! – увидев по лицу художницы, что торг не принесет результатов, он торопливо добавил, – хорошо, за шесть! Но только шестой шиллинг занесу вам завтра?

Эмили вздохнула. Бог с ним, пусть забирает хоть за пять, хоть за шесть. Даже если надует и не принесет... Сегодня она не может думать о шиллингах, как ни странно.

В этот момент Эмили вдруг увидела в воображении лицо мистера Уолдри, искаженное презрением: «Ты должна благодарить меня за каждую монету, что получаешь со своих бездарных работ!». Эмили чуть не перевернула на себя чашку с кофе. Повсюду чудится этот негодяй! А ведь, и впрямь, благодаря ему, бизнес налаживается с небывалой скоростью. Вот что значат свежие идеи и существенные инвестиции!

Эмили упаковала картину и взяла с восхищенного господина пять шиллингов. После того, как довольный покупатель удалился, к Эмили подседа Каролина. Она жаждала вновь переслушать захватывающую историю про лондонского маньяка.

– Подумай-ка! Да я ведь своими глазами видела этого господина! – причитала Каролина, жуя пирожок с яйцом и капустой, которые сыпались ей на юбку. – На вид почтенный мистер! Жаль, что он вечером пришел... Кроме меня, никто не обратил на него внимания...

Эмили еще раз пересказала Каролине подробности минувшего вечера, слегка приукрасив деталями для полноты восприятия. Каролина восторгалась храбростью и удачей художницы. Вдруг Эмили завидела вдалеке знакомую фигуру. Высокий стройный силуэт неторопливой походкой приближался к прилавку. Это был Джеймс. Эмили подскочила на месте. Сердце ее забилось быстрее. Неужели! Как говорили древние: «Всё будет – стоит только расхотеть!». Когда его ждали – он упрямо не шел. Но в свете пережитого его образ значительно потускнел – и вот он здесь, чтобы напомнить о себе!

Встав на ноги, Эмили радостно помахала Джеймсу издали, словно доброму знакомому.

*****

– Джеймс, я лишь рассказываю, как все происходило... Теперь-то уж мне и самой ясно, что поступок мой носил опрометчивый характер, – поясняла Эмили, сидя на диванчике в одном из лондонских пабов, куда они с Джеймсом завернули после торгового дня.

Эмили никогда раньше не бывала в этом заведении и, вообще, не знала о его существовании. Однако ее восхитило и одновременно удивило, что здесь практически не было посетителей. Тихо, просторно и уютно. Романтическое место. Полумрак, свечи в фарфоровых фонариках и деревянная отделка. На стенах занятные картины. Ясно, что местечко не из дешевых. Но, похоже, об этом можно не беспокоиться. Она же здесь по приглашению.

– Эмми, как ты могла? Это же верх легкомыслия, – Джеймс строго оглядел Эмили. – После того, что с тобой приключилось, я буду волноваться за тебя... – Джеймс посмотрел на Эмили одним из своих необычных взглядов: внимательных и таинственных. – Если ты не возражаешь, я буду встречать тебя по вечерам и провожать до дома.

Захлопав ресницами, Эмили улыбнулась. Ее обрадовало, что Джеймс проявляет заботу. Значит, ее ужимки не прошли даром. А опасности будут устранены, если она станет возвращаться домой не одна. Но как быть с убогим жилищем?! Совершенно очевидно, что Джеймс привык к определенному достатку. И выбранное им заведение указывает на то же. Одна кружка горячего шоколада, коих Эмили выпила уже две, стоит дороже, чем все ее обеды за неделю. К тому же это нехитрое заключение поддерживает тот довод, что Джеймс приобрел у нее одну из копий той самой картины с каретой за десять шиллингов, настаивая на том, что сдачи не требуется и, вообще, этот шедевр оценивается много выше. Ведь художник вложил в него частицу собственного опыта!

Вечер был приятным и теплым. Эмили и Джеймс шли по широкой улице. До пансиона миссис Шарп было далеко. Но это радовало. Оставалось достаточно времени, чтобы побыть вдвоем. Они бродили по опустевшему городу и смеялись без всяких стеснений. Лишь изредка мимо проносился кэб, разбрызгивая лужи в разные стороны.

И все вроде бы было непринужденно и благополучно. Но что-то тяготило Эмили. Наконец она поняла: эта-то пустыньность ей и не нравится. Ведь из любой подворотни может выскочить мистер Уолдри со своим кучером.

Терзаемая опасениями, Эмили тем не менее не стала делить их с Джеймсом. Что и понятно. Она не хочет произвести впечатление человека, точимого манией преследования. Да, именно так. После вчерашнего эпизода она, Эмили, стала мнительна. Постоянно оглядывается, прислушивается. Везде ей слышится хриплый голос мистера Уолдри. А каждый темный экипаж заставляет ее сторониться дороги.

Остановившись на полпути, Эмили принялась рыться в своей сумочке. Ей хотелось закурить. Скорее, от волнения нежели по привычке. Тем более недавно она прочитала статью в газете, в которой некий вроде прогрессивный психотерапевт утверждал, что табак способствует успокоению нервов и стабилизации работы кишечника. Он назначал сию меру дамам, переживающим душевные потрясения. У нее, Эмили, нет денег на модного доктора, но зато есть душевные потрясения!

Эмили закусила сигарету зубами, силясь воспользоваться спичками. Однако в этот момент Джеймс обнял ее и развернул к себе.

– Эмми, можно тебя поцеловать? – спросил Джеймс. Он оказался тактичнее многих мужчин, запретные рассказы о которых доходили до ушей Эмили от подруг и знакомых.

Растерявшаяся Эмили даже не знала, как ей реагировать. Приличная девица должна бы оскорбиться или лишиться чувств в знак негодования. С другой стороны, она, Эмили, не ощущает себя ни оскорбленной, ни негодующей. Ведь он спросил разрешения да и к тому же не сказал ничего обидного. Так как же ей следует себя повести, чтобы не обидеть его, но и не умалить своего собственного достоинства?!

Пока Эмили медлила, Джеймс убрал сигарету из ее уст, чуть склонился и поцеловал ее губы. Принял ли он ее молчание за согласие или же решил взять ситуацию в свои руки, Эмили было до конца не ясно. Но сейчас ее это и не занимало. Ею завладело новое ощущение, оказавшееся внезапно приятным и волнующим. Прежде ее никто не целовал.

Об ухаживаниях она знала только по наставлениям тетушки. Та объясняла, что знакомство благопристойной девушки и ее жениха должно быть растянуто во времени. Сначала робкие взгляды... Потом обрывки фраз вроде пожеланий доброго дня... Открытое выражение своих чувств – признак дурного тона. Поэтому когда отношения войдут в определенную колею, нацеленную на брак, язык цветов поможет влюбленным объясниться. Например, букет карликовых подсолнухов означал бы обожание девушки дарителем цветов. Тетушка советовала остерегаться тюльпанов, символизирующих страсть. Ведь воспитанные девушки, по ее словам, должны находиться очень далеко от такого низменного понятия. И если мужчина одарит Эмили тюльпанами, то это почти будет означать его развратное желание по отношению к ней! Тетушка еще много чего говорила, но главной идеей было только одно – девушка должна быть чиста физически и духовно. После вступления в брак молодой жене, конечно, придется исполнять свои супружеские обязанности, но знать о них заранее не нужно и даже порицаемо!

– Джейми, я хотела сказать, что... – смущенная Эмили чуть отстранилась от своего почитателя. – Все так быстро. Я не уверена в том, что это правильно...

– Ты здесь живешь, Эмми? – вместо поддержания диалога на заданную тему Джеймс обзрел обшарпанный пансион, из окна которого голосил какой-то алкоголик.

– Ну... Это временно... – замялась Эмили. – Пока подыскиваю что-то более подходящее...

– Если хочешь, я покажу тебе свой дом, – предложил Джеймс.

– Да, разумеется, – кивнула Эмили.

– Сейчас, – простодушно уточнил Джеймс.

– Сейчас?! – Эмили даже отшатнулась от своего ухажера. Как он смеет предлагать ей такое? Да она видит его второй раз в жизни, хоть и думала о нем много дней. Не нужно было позволять ему целовать себя. Тетушка была права: мужчинам нельзя доверять – они, не задумываясь, губят девушек. Вот и она сама, Эмили, развесила уши, доверилась ему, подпустив к себе непозволительно близко! – Мне пора. До свидания, месье! – Эмили уже была готова удалиться. Кажется, этот тип такой же, как и все. Наглый и распушенный!

– Эмми, я тебя обидел? – Джеймс угадал ее мысли. – Клянусь, я не хотел сказать тебе что-то неприятное. Пойми меня правильно, мне просто не нравится место, в котором ты живешь.

– Все хорошо, – кивнула Эмили, смягчившись. Наверное, ей все же показалось. Он деликатен. Его речь и манеры изысканы. Он не англичанин. Возможно, оттого излишне прямолинеен, не постигает строгой нравственности английского общества. Приличная дама уже закатила бы ему пощечину в ответ на подобное предложение. Но Эмили не столь лицемерна. Она не станет обижаться на неудачно подобранные слова. – Мне, правда, пора... Завтра на работу...

Они попрощались быстро. Эмили помахала Джеймсу со своего пыльного крылечка. Она не стала приглашать его на пирог с чаем. Зачем звать его в это ужасное жилище? Где бы ни проживал он сам, этого дома он, точно, не поймет.

Переступив порог своей крохотной комнатухи, Эмили облокотилась на косяк. Маньяк, доселе занимавший ее мысли, незаметно сместился на второй план. И всего-то за пару часов. Не стоит больше вспоминать вчерашний вечер, просто нужно быть осмотрительнее в будущем. И не следует омрачать эту дивную осень глупыми страхами.

Время подошло к полуночи. А Эмили все не спалось. Дабы занять себя, она творила новые сюжеты. Необходимо поскорее создать новую коллекцию и выставить напоказ публике. К концу ночи Эмили порядочно утомилась и вышла покурить на улицу, а заодно подумать о будущих картинах. Переулок, в котором располагался пансион, был безлюден. Безмолвие окутало округу. Город спал. Лишь иногда потрескивал фонарь или слышался неопознанный городской шорох, но в целом было тихо.

Эмили задумчиво смотрела вдаль слезящимися от усталости глазами и вдруг, словно наяву, увидела кованые ворота, увенчанные искусно переплетенным узором лилий. Ей привиделось огромное поместье, обнесенное чугунной оградой. В самой высокой башне, обращенной к лесу, поблескивал свет, который то затухал, то разгорался. Нельзя видеть, что происходит внутри помещения, но об этом повествуют тени на стенах. Одна из фигур пятится, беспомощно размахивая руками, испуская вопль из разинутого рта. Другая тем временем надвигается с кинжалом в руке. Ужасные и темные дела творятся за высокими оградами. А ведь фасад здания, украшенный гербами и вензелями, говорит о том, что владелец поместья – особа, приближенная ко двору самого короля! Как, очевидно, и мистер Уолдри! Годный сюжет для новой картины...

Несмотря на усталость, Эмили не могла уснуть. Ее переполняли эмоции. Она вспоминала минувший вечер, проведенный с Джеймсом. Тихий пустынный паб. Прогулку по правому берегу Темзы, Вестминстерское аббатство, легендарный Биг Бэн. Как бы это ни было странно, несмотря на некий срок пребывания в Лондоне, Эмили впервые гуляла в этой части города. Той самой, где сосредоточено все самое красивое и величественное. Да, до этого дня Эмили бывала лишь в районах вроде Уайтчепела. Работала там, жила там и развлекалась там же. Ее мысли то и дело возвращались к поцелую. Сегодня ее впервые поцеловал мужчина. Прежде она хотела знать, каково это. Ей было интересно, и она даже немного опасалась. Опасалась, что не разберется, как себя вести и что делать. Но все оказалось не столь сложно и получилось само.

Это был чудный вечер. Джеймс произнес фразу, которую Эмили не могла забыть. Стоя на одном из множества каменных мостов, разрезающих Темзу, он сказал ей: «Я думал о тебе, Эмми». Такие простые слова. Не признание в любви и не обещание жениться. Но они отчего-то запали Эмили в душу.

Глава 7. Свидетельница

Наутро Эмили проснулась совсем разбитой. За окном лил дождь, стекая ручьями с крыш, образуя целые реки на кривых мощеных дорожках. Эмили раскрыла зонт и пошла по направлению к рынку. Она шла быстро, перешагивая грязные лужи и мусор, разбросанный прямо посреди дороги. В этой своей части Лондон был не особенно чист. В любой миг здесь можно было наступить на что-нибудь непотребное или почувствовать на голове содержимое чьего-то ночного горшка, выплеснутое из окошка на незадачливого прохожего.

Иногда Эмили сама не понимала, отчего она рвалась в этот сумасшедший город. Кажется, кроме вони и грязи, здесь ничего не было. Погрязшие в рутине горожане бездарно прожигали жизни вместо того, чтобы дышать полной грудью воздухом лугов и полей. Сотни сосредоточенных, веселых и озленных лиц... И все эти лица чужие, равнодушные. Погоня за деньгами и положением в обществе затуманивает иллюзией счастья. И она сама, Эмили, вместе со всеми горожанами мчится по этому же кругу...

Эмили пребывала в романтическом настроении, поэтому думала обо всем этом. Подходя к рынку, она заметила шумное столпотворение у палатки Каролины. В основном это были ее коллеги-торговцы. Но присутствовало и еще два человека, выгодно отличавшихся от остальных внешним видом и поведением. Они были одеты в костюмы. Говорили четко, не похабно и, кажется, по делу. Первый – мужчина лет тридцати, высокий, темноволосый, сложив руки в карманы, сканировал глазами место рыбной лавки, а второй – толстяк неопределенного возраста с шутилой улыбкой. Рядом громыхал бас Билла, пытающегося поддержать беседу с двумя вышеозначенными джентльменами.

– Вот, кстати, и ее соседка... Эмма Блэйд... – хозяин рынка указал на приближающуюся Эмили. – Это на нее напали на днях!

Эмили с недоумением оглядела двоих незнакомцев, учтиво поздоровавшихся с ней. Чувство легкой тревоги внезапно охватило ее. Вдруг что-то случилось! И кто эти люди? Почему все смотрят на нее?

– Эм, Каролину убили... – обратился к Эмили Билл, который был серьезнее обычного.

Выяснилось, что торговку рыбой зверски зарезали где-то в темном переулке города накануне вечером. У нее ничего не забрали, кроме ее жизни.

На глазах Эмили навернулись слезы. Они с Каролиной успели подружиться. Не верилось, что только вчера они мирно болтали о всяких пустяках, а уже сегодня соседки нет в живых.

– Мисс, я представляю следствие по этому делу. Меня зовут Роберт Кент, я инспектор полиции, – обратился первый мужчина к Эмили. – А это мой напарник Филл Эссе, – инспектор указал на толстяка, стоящего рядом. – Ваш начальник рассказал, что на днях на вас напали... Возможно, речь идет об одном и том же человеке.

– Я все расскажу... – с готовностью согласилась Эмили, утирая слезы. Она постаралась взять себя в руки ради пользы дела, хотя сейчас ей хотелось лишь плакать.

Эмили понадобился час или более того, чтобы описать произошедшее с ней лично. С присущей ее натуре живостью она поведала не только о фактах, но и о своих мироощущениях, опасениях и предположениях. Сначала ей не хотелось вдаваться в подробности и заново все переживать. Но желание восстановить справедливость одержало верх. Живой нрав, витиеватая манера изложения – и вот ее уже слушало полрынка. Даже покупатели. Эмили много жестикулировала и часто твердила одно и то же. Было заметно, что ее психика в некоторой степени пострадала. Эмили то и дело сдабривала рассказ ненужными подробностями, как то: «У него глаза демона!».

– Мисс Блэйд, почему вы не обратились в полицию? – выслушав рассказ, поинтересовался инспектор Кент. – Речь идет о жизнях людей. Мы рады ухватиться за любую ниточку.

- Вам известно, что происходит в Лондоне?! – задал ей вопрос инспектор Эссе.
- А что в нем происходит?..– растерянно кашлянула Эмили.
- Эм, в городе действует серийный убийца! Даже я знаю! – встрял Томас. – Потрошитель!
- Какой еще Потрошитель?..– не поняла Эмили.
- Который всем девкам выпускает кишки! – объяснил Томас. – И уносит с собой их почки!
- Что?! – отшатнулась Эмили, схватившись за живот.
- Ну все, не пугайте мне свидетельницу, – вмешался инспектор Кент.
- Как... Это что, правда, мистер?..– от волнения Эмили даже забыла, как зовут полицейского.
- Кент. На счету преступника уже несколько жертв, – подтвердил инспектор.
- Вы единственная, кто дал нам внятное описание подозреваемого, – пояснил мистер Эссе.
- А как же остальные? – поинтересовалась Эмили, нервно роясь в сумке, которая казалась ей теперь бездонным ящиком Пандоры, где ничего невозможно отыскать.
- Остальные...– было видно, что инспектор Кент не испытывал радости, акцентируя на этом внимание. – Они мертвы...
- Как?..– в изумлении прошептала Эмили. – Вы хотите сказать, что я...
- Вы единственная на сей день уцелевшая жертва...– поддакнул полнотелый Филл Эссе и прибавил, – ваш ангел заботится о вас, мисс...
- Нам крайне важны ваши показания, – продолжил мистер Кент. – В случае если мы поймем этого преступника, вы будете участвовать в опознании.
- И, возможно, ваше свидетельство будет решающим во всем этом деле! – добавил мистер Эссе.
- Послушайте, я...Я же не доживу до этого вашего опознания! – вдруг спохватилась Эмили. – Я ведь нарисовала его портрет. Каролина как раз похвалила мою работу...– Эмили почувствовала холодок, пробежавший по ее коже. – Может, поэтому он и убил ее!
- Портрет? – переспросил мистер Кент.
- Она художница, инспектор, – объяснил Билл.
- И где тот портрет, на котором вы изобразили преступника?
- Портрет остался у этого сумасшедшего в его повозке...Мистер...Эээ...Мистер Кент, – немного подумав, Эмили добавила, – я уверена, что смогу нарисовать его снова. По памяти. Я все-таки мастер изобразительного искусства...
- Мы обязаны просить вас пройти с нами в отделение. Там мы оформим ваши показания должным образом. Заодно нарисуете портрет, – Роберт Кент пригласительным жестом указал в сторону полицейского экипажа.
- Эмили уже хотела согласиться. Но вдруг засомневалась. Маньяк, представившийся ей мистером Уолдри, был явно человек состоятельный. И, судя по дорогим аксессуарам, принадлежал к высшему сословию. Коли она единственная уцелевшая свидетельница, представляющая угрозу его репутации и, возможно, даже свободе, то он сделает все, чтобы устранить ее. Как известно, деньги – самый надежный способ решения любой проблемы. Мистер Уолдри очень щедр, как ей запомнилось. С его возможностями он в состоянии подкупить все следствие проклятого Лондона, не то что двух полицейских! У них, этих так называемых «инспекторов», кстати, тоже темный экипаж...А если это западня?..
- Я с вами не поеду! – взвизгнула Эмили, сама не ожидая от себя такого громкого заявления. – Пишите адрес, я доберусь своим ходом.
- Мисс, не волнуйтесь, с нами вы в безопасности, – заверил мистер Кент. – Кроме того, вас, вообще, нельзя оставлять без присмотра...– но, увидев, как вытянулось лицо Эмили на этих словах, мистер Кент исправился, – сейчас для вас лучше всего находиться на людях...

Эмили почувствовала, что теряет способность оценивать происходящее адекватно. Они так упорно настаивают на своем, что это становится подозрительным... Почему она не может добраться до отделения сама? Почему непременно с ними? Они хотят увезти ее к мистеру Уолдри? Вдруг они вовсе не полиция? А его кучера! Желают поскорее замести следы, оставленные хозяином!

– Билл! – Эмили подскочила к хозяину рынка и зашипела ему на ухо, – ты знаешь их? Ты видел их прежде? Этих полицейских, так называемых...

– Нет, не видел, – своим ответом Билл только сильнее разжег подозрения Эмили.

– Тогда я никуда с ними не поеду, – поделилась Эмили своими планами на будущее. – Скажи, чтоб оставили меня в покое.

– Эм, это же полиция... – Билл не внял опасениям Эмили. – Ты должна ехать с ними.

– Тогда поехали со мной, – Эмили старалась говорить тихо. – Да и вообще... Подумай сам, откуда нам знать наверняка, что они и есть полиция?!

– Мисс... Нам понятно ваше волнение, – обратился Роберт Кент к Эмили, вероятно, угадав или расслышав ее речь. – Ваша осторожность похвальна. Если хотите, можете взять с собой кого-нибудь для поддержки...

– Билл, идем вместе, – Эмили уже тянула громилу за рукав, решив, что лучшего компаньона для опасного путешествия не найти. Могучий Билл один стоит десятерых!

– Я не поеду в полицию! Отцепись! – шикнул Билл, пытаясь стряхнуть Эмили со своей руки. – Это твои проблемы. Не надо было влипнуть!

– Я тогда вообще никуда не поеду, – решила Эмили. – И хватит пихать меня к ним! Ты что, хочешь, чтоб меня снова попытались пришить?!

– Эм, это же полиция! – рявкнул Билл. – Ты в своем уме?! Они не пришьют тебя!

– Мне страшно, – заныла испуганная Эмили, уже не зная, что ей делать. Однажды она уже села в карету с незнакомым человеком. И вот что случилось потом. – Поедем вместе, прошу. Или я не поеду. Слышишь? Не поеду я! – погрозила Эмили, зная, что самому Биллу не нужны лишние трения со стражами закона. Если его подопечная не выполнит их требований, то такое может отразиться и на самом рынке. Мало ли какую проверку нашьют! – Билл, послушай. Я могу ошибаться в деталях, но не в основном. Даже если они и есть настоящая полиция, то это не говорит о том, что маньяк не подкупил их...

Билл напрочь отказался ехать в полицию. Однако выделил Эмили на подмогу своего верного Томаса, посчитав, что только так он может отделаться от нее сам.

*****

Полицейские оказались все-таки подлинными. Они привезли Эмили и Томаса в отделение. Помощник Билла не решился заходить внутрь здания и остался ожидать снаружи на лавке.

Кабинет инспектора Кента располагался на втором этаже. Помещение было вроде большое, но простора тут не имелось. У зарешеченного окна стоял письменный стол со светильником. В углу притаился темно-серый железный шкаф, заполненный какими-то папками. Высокой башней грудились коробки. По кабинету было разбросано несколько тумбочек, на одной из которых дремал обшарпанный чайник. На стенах красовалась пара грамот и какая-то захудалая картина, а также изображение королевы в обветшалой позолоченной раме.

Повторно рассказав, как все происходило, Эмили принялась за портрет мистера Уолдри. Сначала она в ужасе поняла, что забыла, как выглядел этот человек. Но потом рука будто сама начала рисовать. Вскоре на белом листе стали различаться черты полуночного убийцы Уолдри.

– Я бы хотела воды... – призналась Эмили, сильно разволновавшаяся получающимся на рисунке, словно живым мистером Уолдри.

– Чашку чаю? – вежливо предложил инспектор.

– Это лучше всего, – Эмили не стала отказываться от желаемого всем сердцем. А чай был ее любимым напитком, особенно гвоздичный. – Прошу прощения, а здесь можно курить? Я

нервничаю. А мне надо сосредоточиться и понять, чего конкретно не хватает в получившемся изображении... А для этого мне необходимо...

– Курите, – Роберт достал пепельницу из ящика стола и выставил перед Эмили. Этот жест инспектора говорил о том, что курение здесь не только разрешено, но и практикуется.

– Вы слышали мой разговор с Биллом... – Эмили теперь было неловко за свои подозрения. Дверь в кабинет была открыта. Эмили видела проходящих по коридору людей. Ее глаза машинально следили за ними, хотя на самом деле она думала о своем. – Прошу меня простить. Я вижу, что вы истинные стражи закона...

– Я рад, что вы в этом уверились, – усмехнулся полицейский.

Кабинет инспектора выходил на северную сторону. Наверное, оттого в нем было сумеречно, несмотря на то, что за окном гудело утро. Ненастное, но все-таки утро. Работая над портретом, Эмили задумалась, тайком разглядывая инспектора.

Роберт Кент был человеком приятной наружности. Не слишком высок, но и не низок, не тучный, но и не тощий, как иные. Яркие карие глаза, четкие скулы и каштановые волосы. Сосредоточенный вид говорил о том, что он о чем-то думает. Разумеется, он же на службе. И все же он несколько рассеян. Разбил одну чашку и, не обратив внимания на этот досадный инцидент, молча достал с полки другую. Задумчиво помешивая ложкой чай, Роберт подошел к Эмили и заглянул из-за ее спины в рисунок, который она почти завершила. Портрет оказался четок, и его вполне можно было принять в качестве улики.

– Я хочу, чтоб эта рожа завтра была на каждом столбе! – Эмили со злостью ткнула в получившегося маньяка указательным пальцем. И тут же смутилась своему искреннему порыву: как бы ни был праведен ее гнев, ей надлежит тщательно подбирать выражения. То, что думается, не всегда следует высказывать вслух. – Вы не поверите, но когда я увидела мистера Уолдри, то сразу почувствовала, что с ним не все ладно, – Эмили забрала у инспектора чашку с чаем, сжав ее в своих холодных ладонях. Она никак не могла согреться. После того ужасного вечера ей постоянно было холодно. Возможно, это нервное потрясение давало о себе знать таким диковинным образом.

– Последний вопрос, который я хотел задать вам, – Роберт оперся на край стола, отодвинув в сторону бумаги. – Не заметили ли вы чего-нибудь подозрительного за последнее время? Может быть, какие-то необычные события, новые знакомства... Отчего преступник выбрал именно вас? Это случайность или нет? Как вы сами думаете?

– Я не знаю, – Эмили начала лихорадочно рыться в своей памяти. – Не знаю...

Отчего, правда, он выбрал именно ее? Может быть, ему понравились ее картины? Или она сама? Это очень даже возможно. Ведь все вокруг делают ей комплименты по поводу ее внешности. Да она и сама знает, что хороша собой. Можно сказать, красота – единственное ее богатство. Итак, «события и знакомства»... События... В тот день зажала аренду для Билла... Нет, вряд ли это дело рук Билла... Хотя... Сейчас ни в ком нельзя быть уверенной до конца! Нет, это все же не Билл... Каролина всегда платила вовремя... Знакомства... Джеймс... Но он и маньяк никак не связаны... Или связаны?! Нет, все же... Джеймс так мил и вежлив... Хотя, господин Уолдри тоже был вежлив поначалу и, ко всему прочему, еще и несказанно щедр...

– Вы что-то вспомнили? – вопрос инспектора вывел Эмили из оцепенения, прервав медленное течение ее мыслей.

– Я? Нет. Пожалуй, нет, – Эмили колебалась. Но все-таки решила умолчать про Джеймса. Ей не хотелось впутывать его светлый образ в это темное дело. Скорее всего, он не причастен, и их знакомство накануне лишь совпадение. Он просто не может быть причастен. Иначе вся жизнь – особенно романтическая ее часть – все сорвется в пропасть! Нет-нет, Джеймс ни при чем...

– Вы уверены? – инспектор пронизательно оглядел Эмили. – Говорите. От любой мелочи сейчас может зависеть ваша собственная судьба и участь многих других...

– Если я что-то вспомню, то дам вам знать, – вздохнула Эмили, не решившись обнажить своих переживаний.

– Послушайте и поймите правильно. Вам удалось вырваться из рук преступника. Но это может быть не конец истории, – инспектор прищурился, оглядев рассеянную Эмму и, вероятно, подбирая нужные слова.

– То есть не конец? – нахмурилась Эмма.

– Мы не знаем, о ком именно идет речь, – оговорился инспектор для начала. – Но если напавший на вас человек – маньяк, то он может пожелать довести дело до конца.

– То есть... Мне грозит опасность? Маньяк попытается меня устранить? – ужаснулась Эмили.

– Такое возможно, – не стал отрицать инспектор.

– Мистер Кент, и что же мне делать? – растерялась Эмили.

– Вы должны быть внимательны и осторожны, не оставаться одной.

– Это понятно, но... О господи, мне идти до дома почти час. А вдруг мистер Уолдри снова... – перед глазами Эммы уже возник пугающий образ мистера Уолдри. – Да вы же не представляете себе, что я пережила за тот вечер... – Эмили вспомнила все произошедшее, и ей сделалось жутко. Злодей убил Каролину, как случайного свидетеля. Что же тогда он сделает с ней самой?

– Мисс, я обещаю, мы займемся вашей безопасностью. В ближайшее время к вам приставят человека, который будет вас сопровождать какое-то время...

– А когда это время истечет? – устала Эмили. И была не так уж и не права. – Все забудется, человека через неделю уберут. И я останусь один на один с маньяком? – Эмили инстинктивно закрыла лицо ладонями, словно пытаясь спрятаться. Ее фантазия уже рисовала черные картины того недалекого будущего, когда все позабудут о маньяке, который ненадолго загаится, а потом внезапно вернется в новом звучании... И непременно, чтобы расквитаться с последней угрозой своего благополучия – Эммой Блэйд...

– Прошу вас взять себя в руки: мы делаем все возможное... – Роберт смотрел на Эмили благожелательно, но без особого участия. Вероятно, он видел таких, как она, десятки. Все перепуганные и нервные. Спятившие от страха. Полицейский не может жалеть потерпевших. Он должен помогать им.

– «Все возможное»... Как же тогда маньяк вчера убил Каролину? – к горлу Эмили подступили слезы при воспоминании о соседке. По сути, та девушка в нелепой шляпке была ее единственным другом. Пусть они не так долго были знакомы, но Эмили уже успела полюбить веселую и добрую торговку. – Простите... – Эмили смутилась своим неожиданным слезам. И она не хотела никого обвинять. – Простите меня, Роберт... Простите... Мне всего лишь страшно... Пожалуйста, раскройте поскорее это дело... – расстроенная Эмили вылетела из кабинета, прищипив напоследок свой вязаный шарф дверью.

Сбежав по крутым ступенькам, Эмили оказалась во дворе, где на лавке застыл Том. У него был недовольный вид. Кажется, он уже устал ждать ее. А Эмили была невыразимо рада, что она здесь не одна: рядом безмятежный скупающий Томас, чей образ выделяется на фоне светного городского пейзажа.

– Томми, можем возвращаться. Спасибо, что согласился составить мне компанию, – поблагодарила Эмили, утерев высыхающие на ее щеках слезы.

– Чего так долго?! – недовольно пробурчал Томас, вставая с лавки и отряхивая брюки.

– А ты как хотел? Это же преступление века! – сама не зная того, не преувеличила Эмили.

****

Вернувшись на рынок, Эмили еще издали заметила Джеймса. Он стоял возле ее торгового места и рядом с Биллом, что-то увлеченно повествующим. Эмили поспешила туда.

– Эм, я тут рассказал твоему ухажеру, что и как... – вклинился Билл со своими пояснениями.

– Джеймс, это ужасно... Каролина... – всхлипнула Эмили. – Помнишь ее? Моя соседка... – Эмили чувствовала, что она на грани того, чтобы снова расплакаться. Это была боль за произошедшую трагедию и одновременно следствие какого-то общего душевного перенапряжения. Эмили отвернулась в сторону, утирая влажные глаза. Хотелось спать. И проснуться так, чтобы того ужасного дня никогда не было.

– Эмми, пойдем отсюда. Тебе нужно отвлечься, – Джеймс заботливо поправил Эмили растрепавшуюся рыжую челку, выползшую из-под шляпки. Этот прилюдный жест в отношении девушки мог быть приравнен к дерзости. Но Джеймс ведь иностранец, спрос с него невелик. Да и находятся они на рынке среди простого народа, а не во дворце, набитом вельможами. А она сама, Эмили, не столь жеманна, чтобы делать из мухи слона.

– Мне надо работать... – усилием воли Эмили уняла слезы. – Я останусь. А то Билл не отстанет от меня со своей арендой, – Эмили начала неприкаянно организовывать рабочее место. Все валилось из ее рук. Она пару раз запнулась. А когда ее взгляд пал на пустующую лавку Каролины, на ее глазах вновь выступили слезы. Нет, Каролина не уехала к маме, не приболела в ненастье и не перешла на другое место. Она мертва. И это не укладывается в голове. Это противоестественно!

Тем временем Джеймс и Билл отошли в сторону. Они разговаривали недолго, после чего Джеймс выдал хозяину рынка несколько монет. Билл пересчитал выручку и с довольной физиономией пошел прочь, засовывая средства в карман. Эмили все это видела, но не уразумевала. Ее глаза следили за происходящим, пока сознание дремало. Мысли уносили ее то в черный вечер к Уолдри, то в кабинет спокойного инспектора, то вообще в тихую деревню к тетушке. Обычно Эмили не отличалась медлительностью умственных процессов и сохраняла собранность даже в моменты усталости. Но сейчас ей все казалось каким-то замедленным и блеклым. Словно она застряла в вязкой кисельной гуще, из которой не выбраться.

– Эмми, не могу видеть тебя в таком состоянии, – Джеймс взял Эмили за руку. – Я уведу тебя отсюда. Хотя бы сегодня тебе нужно отдохнуть. С твоей арендой все улажено.

– Что? Как это... – не поняла сначала Эмили, глядя вслед удаляющемуся Биллу. А когда уразумела, то очнулась. – Ты заплатил ему? Джеймс, не нужно было... Это лишнее... – Эмили уже хотела броситься вдогонку за хозяином рынка. Насущные проблемы обычно являются эффективным средством в борьбе с сомнительными фантазиями и меланхолией. Эмили пришла в себя после упоминания о Билле и деньгах. Наверняка, он вытряс из Джеймса больше положенной суммы. Которую не учтет, как полагается! И как вообще все это смотрится со стороны? Позволительно ли девушке принимать пожертвования от мужчины? С другой стороны, Эмили ведь не какая-то аристократическая особа, которую легко опорочить. Вокруг Эмили нет того общества, которое осудило бы ее. Впрочем, она все равно продолжит придерживаться правил. Ибо если она хочет изменить свою жизнь, то должна уже сегодня вести себя достойно своей мечты. – Я скоро вернусь. И потом мы пойдем, куда ты хотел.

– Нет, мы пойдем, куда я хотел, прямо сейчас, – настоял Джеймс.

Глава 8. Его поместье

Эмили и Джеймс засели в очередном уютном ресторанчике. Он располагался на втором этаже какого-то красивого здания, которое прежде Эмили видела лишь издали. Посетителей здесь почти не было. Вероятно, решающим оказался фактор цены. Но Эмили даже не могла услаждаться. Она пила горячий шоколад и думала. О Каролине, о себе. О маньяке, который вернется за ней. Теперь уже ясно, что он это сделает.

Рука Эмили потянулась к сигаретам. Дамы в Лондоне любят доставать из сумочек изящные мундштуки и закуривать. Эмили пока сие не по карману. Ну что ж, она может обойтись и без мундштука. Она, вообще, привыкла обходиться без многих нужных вещей.

– Мисс, в этом помещении не курят, – обратился к Эмили один из официантов. – Если желаете закурить, то позвольте предложить вам пройти к тем дверям...

Эмили не расслышала, что сказал служащий, поскольку была основательно погружена в свои мысли. Джеймс ответил что-то официанту вместо нее. Тот поклонился и удалился.

– Что... Что он хотел? – рассеяно спросила Эмили.

– Ничего важного, Эмми... – Джеймс оглядел Эмили с любованием. Сам он был равнодушен к табаку. Но не выражал недовольства относительно того, что его спутница то и дело роется в сумочке в поисках папирос.

Эмили оглядела Джеймса, улыбнувшись. Он так добр. Кстати, сегодня он подарил ей великолепное лиловое кашне. Шарф оказался приятным на ощупь. Яркий и необычный, он превосходно гармонировал с ее рыжими волосами. Эмили обрадовалась подарку. Вернее будет сказать – она *сначала* обрадовалась подарку. Но потом вдруг вспомнила о своих подозрениях. По сути, ей ничего не известно о Джеймсе. Их беседы сводятся к бесполезной болтовне о всякой чепухе и шуткам. А это кашне... Видно, что вещь дорогая. Но зачем она такая яркая? Такая вещь словно сигнальный маяк в море.

– Эмми, я беспокоюсь за тебя... – Джеймс бережно смахнул с щеки Эмили ее упавшую ресничку. – Особенно после того, что случилось с твоей соседкой.

– Да, это ужасно, – машинально согласилась Эмили, заглядывая в глаза Джеймса в надежде выявить тайны его души. Отчего-то сегодня он кажется подозрительным... А не скрывает ли он от нее чего-нибудь? Правда, что ничего необычного накануне встречи с маньяком не происходило, кроме знакомства с ним, с Джеймсом. Весьма странно. Что богатому иностранцу делать на грязном рынке самого криминального района Лондона, где живут только бедняки и разбойники?

– Эмми, у меня большой дом. Переезжай ко мне, – вдруг предложил Джеймс. – Возможно, это звучит бестактно. Но там ты будешь в безопасности. А это сейчас самое главное. Конечно, до твоего рынка далековато... Однако если захочешь, можешь не работать вовсе. Это даже лучше в твоей ситуации... Не оставаться на том же месте, где маньяк тебя видел.

– К тебе?! – Эмили отвлеклась от своих дум. Вот оно, началось! С какой стати он так заботится о ней? Одно дело предложить посетить его дом после свидания... На это наглости у мужчин хватает! Они думают, что, подарив жалкий букет, уже могут рассчитывать на большее. Особенно когда речь идет о простых девушках вроде нее. Будь на ее месте графиня или хотя бы дочь доктора – они бы прикусили свои языки. Девушек из благородных семей слишком легко оскорбить, например, положив им в тарелку птичью ножку. Получается, все эти разговоры о высокой морали – такие же бессмысленные, как купальная машина. Вероятно, Джеймс это понимает. Будучи иностранцем, он может не быть до конца сведущ в традициях Англии. И все же... Пригласить в гости погулять по саду и предложить переехать – это не одно и то же. Они попросту не настолько близки! Да и знакомы недавно, чтобы он проявлял столько участия. Неужели он все-таки может быть связан с Уолдри? Ведь Роберт же сказал... Странные

знакомства. А разве это не странно, что в ее жизни появился этот богач Джеймс? Обычно на ее пути встречались только необразованные грубияны с прохудившимися карманами. Тут, точно, есть какой-то подвох.

– Прошу, не обижайся, – повторил Джеймс, вытянув Эмили из раздумий. – Я вижу, что ты честная девушка. И не хочу тебя оскорбить, – Джеймс очень точно описал натуру Эмили. Бедность иногда соседствует с гордостью. Дамы из высшего света нередко бывают доступны, хотя принято думать иначе. А она, Эмили, за свою честь готова сражаться до последнего! – Я делаю тебе такое предложение, поскольку для меня это просто. Мой дом большой. И я могу позволить себе пригласить кого угодно. У тебя, конечно, будут свои покои. И служанка...

– Да ведь мы едва знакомы. А ты уже предлагаешь мне... – возмутилась Эмили, не вытерпев. – Я что, по-твоему, какая-то гулящая из вертепа? Или...

– Эмми, все не так, – Джеймс прервал возмущенную речь Эмили. – Сейчас не до условностей. Я не желаю рисковать твоей жизнью... И хочу спрятать тебя от опасности, – объяснил Джеймс просто. – Представь себе, что я – твой заботливый брат.

Эмили решила, что надо, наконец, поговорить с ним откровенно. Выяснить, кто он такой и чем занимается. А то столько было бесед, но все пустых. И чаще говорила она. Ну что за глупая дева! Вместо того, чтоб выведать все о нем, она плела рассказы о своем детстве. Вот пусть теперь он повествует! Ей полезно знать о его жизни, если она планирует с ним какие-либо отношения. А если нет, то все равно пусть вещает: может быть, он проболтается и укажет на настоящего маньяка... Хм, если только между ними вообще есть какая-то связь. И все же что-то этот иностранный месть утаивает. А между тем с Уолдри их роднит не так уж мало, как кажется. Оба состоятельны. Но напал-то не Джеймс, а мистер Уолдри. Есть еще что-то... Что-то упущено... *Кучер!* Лица кучера не было видно! Джеймс – это и есть кучер?! И он не выглядел в тот страшный вечер подневольным. Они подельники? Друзья? Родственники?! Раз пособляют друг другу! Дядя маньяк и его племянничек кучер!

Эмили сжалась в комок, недоверчиво поглядывая на Джеймса. У нее была богатая фантазия. Но кроме этого, у нее имелось превосходное чутье, которое никогда еще не подводило ее. И сейчас она чувствовала, что с этим обходительным Джеймсом не все ладно. Точно так же, как, еще не слыша его речи, она в день их знакомства наперед определила, что он не англичанин.

– Эмми, что с тобой? Тебе холодно? – беспокоился Джеймс.

– О, нет, все даже очень и очень... – Эмили с усилием взяла себя в руки. Вымыслы. Почему вообще «дядя и племянник»? С чего на ум ей пришла такая глупая формулировка? Видно, от стресса у нее помутился разум. – Джеймс, ты говорил, что занимаешься бизнесом... Какого рода этот бизнес? – вопреки обыкновению лить воду на всю беседу, на сей раз Эмили решила внести конкретики.

– Эмми, это не имеет значения, поверь, – заверил Джеймс, играя салфеткой. – Главное, что со мной ты ни в чем не будешь знать нужды. Это я тебе обещаю.

– «Не имеет значения»? Ты предлагаешь мне переехать к тебе... И при этом не можешь ответить на простой вопрос? – Эмили почувствовала дыхание опасности: она всегда ощущает, если что-то не так... Садясь в карету мистера Уолдри, она чувствовала то же, что и сейчас. – Расскажи мне про себя! У тебя есть семья: жена, дети? Кто твои родители? С кем ты живешь?

– Нет у меня никого, – Джеймс потер кончик носа и отвернулся в сторону окна, за которым потемнело от набежавших туч.

– Так как ты зарабатываешь на жизнь? – продолжала допрашивать Эмили, уже начиная волноваться всерьез. Почему он скрытничает?

– Эмми, поверь, это все действительно неважно, – Джеймс явно не хотел говорить о своей жизни.

– Это что-то незаконное? – Эмили пыталась предвидеть наихудший вариант заблаговременно, а не как в прошлый раз. – Какие-то темные делишки?

– Нет, что ты. Никаких противоправных дел... – заверил Джеймс, усмехнувшись.

– Тогда почему ты скрываешь это от меня? Я вижу, у тебя есть некая тайна, – Эмили уже начинала нервничать оттого, что даже в этом чистом, на первый взгляд, деле есть черные пятна, проявляющиеся только теперь. Все так хорошо начиналось: с виду идеальный жених... А окажется подмастерье маньяка! Неужели каждый раз в женихе должен крыться подвох?

– Эмми, я не хочу врать, но и правды я пока открыть не могу... – кивнул Джеймс. – Ты права, у меня есть некая тайна. Позже ты ее узнаешь...

– Я так и знала, – Эмили чуть не подавилась своим какао. Его последние слова прозвучали зловеще в тишине полупустого заведения. Что еще за тайна?! «Узнаешь позже»! Главное, чтоб потом было не слишком поздно. Это же надо так выразиться! «Эмми, знаешь, на самом деле я кучер мистера Уолдри!». Все странно. Даже этот ресторан – и тот без свидетелей. Как и предыдущий! – Пока между нами есть тайны, ничего другого быть не может! – заявила Эмили твердо. Неужели для нее больше не существует безопасного места в этом городе? И, кто знает, может быть, и во всей Англии. А она-то, растяпа, еще согласилась, чтоб иностранец провожал ее каждый день до дома! – Джеймс, я хочу знать тотчас.

– Зачем я вообще употребил это слово «тайна»... – Джеймс тяжело вздохнул, приложив ладонь ко лбу. – Эмми, нет никакой тайны. Это даже не секрет, а так... Одно обстоятельство...

У Эмили уже почти не оставалось сомнений. А подозрительное поведение Джеймса лишь подтверждало ее догадки. Какое это, интересно, «обстоятельство»? Что досуг он проводит с маньяком? Надо поговорить с инспектором. Пусть наведет справки об этом иностранце. Может, он вовсе не иностранец! А только прикидывается. А ведь поначалу был так мил... Неужели он близок с этим сумасшедшим Уолдри? Может, и нет, но их что-то, точно, связывает. Он вынужден помогать старикану. Разумеется, дело, как всегда, в деньгах? Может, хочет получить наследство!

В глубине души Эмили чувствовала, что все ее сомнения похожи на бред. Однако дурацкие мысли сами лезли ей в голову. А когда она сомневалась в чем-то, то это было всерьез и надолго. Но самое скверное, что чем дальше она обычно углублялась в поиски, тем больше подтверждений находилось. Это все равно, что искать четырехлистный клевер на лугу, зная, что рано или поздно он найдется.

– Какое обстоятельство? – спросила Эмили настойчиво. И видя, что он колеблется, добавила, – Джейми, если ты хочешь, чтобы мы с тобой продолжили любое общение...

– Эмми, я пока не могу тебе сказать... – повторил Джеймс. – Но обещаю, что однажды ты все узнаешь. Поверь, я молчу не потому, что не доверяю тебе. А потому что сейчас об этом обстоятельстве никто не должен знать. Это ставит меня под удар... – коротко пояснил Джеймс. – Больше не будем это обсуждать.

– Не будем, – согласилась Эмили. Хотя в душе была полна противоречий. Что это может быть за тайна, которая ставит под удар? Дядя маньяк, не иначе! Надо торопиться к инспектору Кенту. Какая она дура, что сразу не рассказала ему о Джеймсе!

Подумав, Эмили решила, что не лишним будет проследить за Джеймсом. Все-таки не верится, что он лишь подставная утка, призванная усыпить ее бдительность к тому моменту, когда на сцену выплывет настоящий злодей. Но с другой стороны, Уолдри коварен и хитер... Кстати, скорее всего, этого гадкого старца зовут не Уолдри. Надо проследить за Джеймсом и все выяснить... Где и с кем живет? Чем занимается? Если он держатель опиумной курильни – это не сильно улучшит ситуацию. В любом случае в одиночку пускаться в путь ей небезопасно – лучше кого-то взять с собой, например, Томаса... Значит, нужно вернуться на рынок, сбавить Джеймса под благовидным предлогом, а потом выявить, куда он потащится... Сейчас как раз полдень, весь день впереди. Можно было бы немедленно сказать Роберту о том, что, вероятно,

Джеймс – знакомый маньяка. Но это пока не совсем точно... Тем более если тайна заключается в чем-то другом, то это явится истинной подлостью для Джеймса. Ведь он сказал, что есть нечто, ставящее его под удар. А удар может быть только от полиции, от кого же еще...

Все шло по плану. Джеймс и Эмили вернулись на рынок. Под предлогом того, что только работа может помочь ей прогнать дурные мысли, Эмили спровадила Джеймса, простившись с ним до вечера. Она упирала на то, что на людях она в безопасности и ему не о чем беспокоиться.

– Эмми, береги себя... Я заеду за тобой вечером... – пообещал Джеймс.

Но Эмили его обещание не обрадовало. Заедет он, видите ли! У него тоже экипаж. Как у мистера Уолдри. Ага! Заедет и увезет к дяде! А, вообще, как понимать его образ жизни? Он что, не работает вовсе? Даже если он владелец компании, надо же ему хоть иногда появляться в своем кабинете.

– Хорошо, милый Джеймс... – Эмили позволила поцеловать себя на прощание. Сейчас нельзя выказывать подозрительности. Было бы странно, если бы она ограничилась рукопожатием после тех поцелуев, которые приняла ранее.

Поправив пиджак, Джеймс развернулся и пошел прочь с рынка. А Эмили уже выпрашивала у Билла в качестве провожатого громилу Томаса. Билл не очень-то хотел ввязываться в расследование, в каком бы то ни было качестве. Но Эмили настаивала, говорила о бедной Каролине, о коварстве маньяка, и в итоге он согласился, решив, что проще отдать Томаса, чем слушать ее хотя бы еще пять минут.

Джеймс удалялся с рынка. А Эмили и Томас поддерживали видимость беседы на случай, если он оглянется. Уходя, Джеймс обернулся. Эмили с улыбкой помахала ему рукой. А когда иностранец скрылся за углом, Эмили и Томас припустились за ним со всех ног.

– Томми, найди нам извозчика! – Эмили утерла слезу, выступившую в уголке ее глаза при взгляде на палатку Каролины. – Быстрее, а то он уйдет!

– Где я найду извозчика?! – сварливо отозвался Томас, уже размахивая руками пролетающим кэбам. Своей неотступностью Эмили могла заставить работать кого угодно.

– Вон извозчик, крикни ему! – Эмили замахала вознице полой своего лилового кашне, поддерживая таким образом кричащего Томаса.

Извозчик оказался подходящим малым для запутанного дела.

– Как тебя зовут? – обратилась Эмили к извозчику, забираясь в карету при помощи Томаса, который сам не заметил, как сделался джентльменом, падающим даме руку.

– Генрих, мисс, – представился извозчик вежливо.

– Генрих, ты хочешь заработать три шиллинга?! Я так понимаю, что «да»! Тогда следуй за той каретой. И незаметно. И поживей! – Эмили указала на экипаж, в котором скрылся Джеймс. – Учти, нас не должны заметить. Ты понял?! Скажи: «Я хорошо все понял!»

– Я хорошо все понял, мисс, – подтвердил Генрих.

Эмили и Томас мчались в карете во главе с Генрихом по пятам за подозрительным Джеймсом. Томас, как всегда, был надут и молчалив.

– Эм, я не пойму, у тебя с этим хлыщом что вообще? – бестактно, как и полагается бандиту, задался вдруг вопросом Томас. Он не был влюблен в нее, а интересовался из других соображений.

– Я сама пока не пойму, Томми, – Эмили не сводила глаз с кареты Джеймса, мелькавшей то и дело вдаль.

– Зачем мы за ним следим?! – негодовал Том.

– Томми, я сама пока не знаю, что мы ищем... – вздохнула Эмили, понимая, что не может подобрать слов, дабы выразить свои опасения. – Всё ж лучше сидеть здесь со мной в карете,

чем болтаться под дождем на рынке с Биллом. Сейчас я не должна быть одна, вот и все... А потом я угощу тебя пивом, идет?

Эмили выглянула в окно. Лондон остался позади. Они выезжают за город. В лесную полосу. Это настораживает... Разве Джеймс живет не в столице? Мистер Уолдри тоже увез ее на окраину... А этот лес... И почему он так похож на тот, по которому она бежала тем ужасным вечером, спотыкаясь и падая в мокрую листву...

– Билл! Мы что, едем в пригород? – Эмили уже слышала стук собственного сердца, отдающего в висках.

– Я Том! – заворчал громила.

– Прости, я волнуюсь! Да, конечно, ты Том... Томми... Куда мы едем?! На меня напали в лесу, кстати...

– Я это уже слышал не один раз... Если хочешь, то развернемся и поедem обратно! – Томас начал раздражаться, не видя смысла в их путешествии.

Эмили была вынуждена кое-как поделиться своими догадками относительно Джеймса. Томас выругался в ответ и сказал, что у нее мутится разум. Джеймс – отличный кандидат в мужа. Карета есть, и это не мало. И надо брать его себе, пока он не опомнился.

– Тебе легко говорить, Томми, – вздохнула Эмили. – Даже если Джеймс и не маньяк... Он же не табакерка! Я не могу просто так взять и положить его себе в карман.

– Можешь, конечно, – пожал плечами Том.

– Да? И каким это образом? – Эмили даже стало интересно, что он посоветует. Она понимала, что вызвать первоначальный интерес и сохранить его – это не одно и то же. В таких случаях мужской взгляд со стороны может оказаться полезен.

– У тебя есть единственный козырь, на который ты можешь его взять – твоя ласка, – после раздумий объявил Том.

– Что ты имеешь в виду? – Эмили казалось, что она и так достаточно ласкова. Неужели если она будет продолжать в том же духе, то получит предложение руки и сердца? Может ли такой человек как Джеймс жениться на такой девушке как она? Такое возможно в Англии?

– Я имею в виду, что тебе нужно трахнуть с ним! – Томас больше не стал подбирать выражений. С непонятливой Эмили, видимо, лучше говорить напрямик.

– Господь всемогущий, Томми, о чем ты говоришь?! – Эмили была готова лишиться чувств. Одно дело – ее собственные мысли о чем-либо запретном, и совсем другое – слова из уст мужчины, разговаривающего с ней. Бармен Гари был прав, этот город всех портит! И вот она уже сидит в карете наедине с каким-то мужиком и обсуждает непристойности. – Даже не смей произносить подобного. Мы не должны обсуждать таких тем. Это нельзя!

– Да ты сама спросила! – возразил Томас. – Я лишь ответил на твой вопрос!

– Я не имела в виду, что... О, боже, Томми! – у Эмили даже не поворачивался язык повторить его слова.

– Отставь в сторону свои кривлянья! Иначе все себе этим испортишь! – Том больше не ограничивал себя в рассуждениях. С первого взгляда Эмили производила впечатление леди, в присутствии которой даже он был готов снять шляпу. Но теперь уже ясно, что она простая девушка. И неопытная, к тому же. – Повозится он с тобой. Да и надоест ему все это! Пойдет и найдет себе кого-то поговорчивее! Мало ли смазливых девиц, готовых для него на все!

– Какой ужас, Томми, – Эмили даже уже не знала, что пугает ее теперь больше – грубость Томаса или то, что она может упустить завидного жениха из-за жеманства. – Томми, а как же правила?! Девушка не должна... Ей запрещено...

– Да брось! – хмыкнул Том. – Ты понравилась ему не из-за правил, которые соблюдаешь. И не потому, что твой папаша – знатная персона или у тебя значительное наследство! Манерных куриц с приданным он может сыскать и в театре! Или где там обычно знакомятся богачи...

– Томми, видишь ли... Я просто не понимаю, почему он выбрал меня. Нет ли тут злого умысла... И не связано ли сие... – Эмму опять вело к теме маньяка.

– Ты не понимаешь, потому что ты баба, – ухмыльнулся Том. – Вы себялюбки. Вам главное от мужчины – его деньги и положение. Но не он сам. А мы, как идиоты, от всей души влюбляемся в вас, в ваши губки и глазки, белые шейки и стройные талии. Задрать вашу юбочку – для нас вершина всех помыслов. Но мы хотя бы честны с вами. А вам главное одно – какой у нас кошелек!

– Томми, перестань об этом говорить, ты смущаешь меня, в конце концов! – Эмма испытывала некоторый шок от беседы, но не могла ее прекратить. – Это же все... Неприлично и непозволительно!

– Этим мальчишки и отличаются от девочек. Для вас все неприлично и непозволительно, – оскалился Том. – Дура ты, Эмма Блэйд. Хватай этого иностранца обеими руками. Тут нечего раздумывать, тем более тебе – торговке с рынка!

– Томми, я не торговка с рынка, – поправила Эмили, хотя прямолинейные суждения Томаса отложились в ее голове против воли. – Я художник!

Время шло. Дорога сужалась и петляла. Томас уже и сам стал сомневаться в благонадежности мистера Джеймса, которого нахваливал еще полчаса назад. Тем более Эмили нагнетала обстановку, повторяя: «Вот видишь? Я же говорила!».

– Они нас заметили! – неожиданно сообщил извозчик, заглянув внутрь экипажа.

Повисла пауза. Эмили обдумывала смысл услышанного. Ситуация затруднительна. Необходимо менять тактику. Ведь если Джеймс, кто бы он ни был, узнает, что она, якобы находящаяся на рынке Эмма, шпионит за ним... То вопросов не избежать. А может, и не только вопросов. Расправы?!

– Куда ведет эта дорога? – поспешно вопрошала Эмили в окно у Генриха.

– Я не знаю, – извозчик недоуменно пожал плечами. – Я езжу по Лондону, окрестности знаю плохо...

– Томми? – Эмили обратилась с тем же вопросом к своему спутнику.

– Я почему знаю?! – казалось, Томас тоже стал нервничать: вдруг они, и вправду, с энтузиазмом мчатся в логово к сумасшедшему, одержимому манией человекоубийства! Ему, Томасу, все это ни к чему!

– Тааак... – от страха Эмили совсем утратила над собой контроль. Ее бросало то в жар, то в холод. – Вы же лондонцы! И не знаете родных мест? – Эмили уже была готова дать задний ход, пока не слишком поздно. Но, с другой стороны, возвращаться с пустыми руками – тоже не вариант. Ведь вечером у нее назначена встреча с Джеймсом. К этому моменту она должна уже все выяснить о нем. – Короче... – Эмили судорожно перебирала кисти шарфа, ища решение. – Гари, послушай: сейчас ты обгонишь тот экипаж. Понял?

– А дальше чего? – не постигал извозчик.

– Гар, дорога здесь одна! Пока поедешь по ней, а как будет развилка – дождемся их под каким-то предлогом... И снова последуем за ними... Если мы будем дышать им в спину, то они сразу догадаются обо всем...

– Но они увидят, что мы их ждем! – запротестовал Томас.

– Томми, не глупи! Ты сделаешь вид, что у нас якобы сломалось колесо, и вы с Гаром будете его чинить... – в рассуждениях Эмили любое дело выглядело простым. – Таким образом мы отстанем от них по естественным причинам... А потом снова навестаем...

Вскоре карета Джеймса, которая резво мчалась по петляющей дороге, осталась позади. Эмили решила на всякий случай пригнуться ниже окошка и замолкнуть, ибо ветер разносил по округе ее нравоучительные возгласы и трепал рыжие локоны.

– Эм, а почему ты решила, что Джеймс и есть маньяк? – уточнил Том почти шепотом.

– Томми, я не сказала, что он маньяк. Я сказала, что... Что... – Эмили сама не знала, в чем подозревает Джеймса. В том, что он племянник маньяка? Его кучер? Это же бред. Да, ее подозрения нелепы, как и поведение. Но зато кое-чего у нее не отнять. Ее интуиции! – Я чувствую. С Джеймсом что-то не так. Это точно.

– То есть у тебя есть лишь ощущения? – пробурчал Том. – Что ты вообще знаешь о маньяке? О том самом, который Потрошитель? Почему его так зовут?!

– Ну как... Он убивает женщин... – Эмили только сейчас поняла, что толком ничего не знает об этой таинственной личности, всколыхнувшей покой общественности.

– Торчать в полиции и ничего не выяснить... – усмехнулся Том с упреком.

– Ты разве знаешь больше моего?! – Эмили скривила губы. И, правда, почему она столь бестолкова? Она не знает о маньяке, о котором говорит весь город. Она не знает ничего о Джеймсе, с которым встречается. Что она вообще тогда знает?!

– Он убивает проституток, – объяснил Томас. – И не просто убивает, а расчленяет их! Одной он удалил матку, другой отрезал ухо. И кстати, неужели твой полицейский не рассказал тебе самого главного?!

– Чего же... – услышав жуткие подробности, Эмили вошла в ступор.

– Он пишет им письма, – крикнул Том.

– Кто пишет письма? Кому? – не поняла Эмили.

– Потрошитель! Пишет письма в полицию! – раздражался Томас, будто речь шла о каком-то личном деле. – К одному из писем он приложил человеческую почку, которую также вырезал у жертвы!

– Какой ужас, Томми... – Эмили сглотнула. Неужели подобная участь ждала и ее?!

– Да уж... – согласился Томас. – Говорят, бабы при этом оставались живы!

– Да как это возможно?! – ужаснулась Эмили.

– А некоторые говорят, что, наоборот, мертвы, – переменялся Томас. – Я не чтец газет. Но об этом все знают. Возможно, маньяк сперва усыпляет жертву чем-либо, каким-то веществом!

– Каким? – Эмили нахмурилась.

– Откуда мне знать?! Но ведь есть такие вещества, которые достаточно вдохнуть, и ты отключаешься! Скажем, если нужно делать какую-то операцию!

– Кстати, мистер Уолдри пихал мне в лицо какую-то тряпку, когда напал на меня в карете, – вспомнила Эмма. Неужели, если б она не отбилась от старика в тот день, то и ее по частям прислали бы в полицию! – Томми, я боюсь...

– Теперь и я тоже! – гаркнул Томас.

– Правда? – Эмили зажала рот ладонью. Ее единственный защитник не должен быть напуган. Он должен быть готов к битве. Не надо было рассказывать ему про мистера Уолдри!

– Черт возьми, Эмма... Твой маньяк – трус и слабак! – рявкнул Томас, которого, разумеется, не напугали ее рассуждения. – Заметь, среди жертв не было ни одного мужика!

Дорога извивалась коварной змеей, углубляясь в лес. Том уже начал разочаровываться, что подвязался на это сомнительное дело. Куда ведет проклятая тропа? Может быть, вообще в другой город! Не хватало только, чтоб там Джеймс еще пересел на корабль! Извозчик, слава богу, был не в курсе проекта, поэтому просто ехал вперед, пока... Пока не уткнулся в ограду. Массивный кованый забор, украшенный вензелями и завитками. Перед взором путешественников раскинулось величественное поместье с обширной территорией, засаженной деревьями и кустарниками. Вдалеке виднелся пруд и внушительных размеров особняк с колоннадой и башенками.

Когда Эмили увидела, куда завела их сия изгибистая стезя – она подавила в себе желание закричать: день назад она нарисовала картину с подобным пейзажем! Та самая картина с башенкой и тенями! Говорят же, что люди искусства иногда заглядывают в будущее!

Ледяной волной на Эмили нахлынул страх. Вот потеха, если она сама приехала в логово к маньяку... Ему даже не придется прилагать усилий, чтобы выследить ее, застать врасплох и заманить в ловушку. Здесь против нее и ее незамысловатых спутников может выступить целая армия. И даже сильный Томас тут не справится. Если мистер Уолдри захочет, то живыми им отсюда не выбраться на своей скрипящей колыхаге!

Эмили размышляла вслух, вследствие чего, Томас тоже озадачился. А что, мало ли кто там в поместье живет... С минуты на минуту здесь должна появиться карета Джеймса. Если он увидит художницу, узнает ее... Можно только догадываться, что ждет их всех потом!

У Эмили пересохло в горле. Судорожно сглатывая слюну, она лихорадочно думала, как можно спасти ситуацию.

– Так... Томми, слушай! И ты, Гари... Оба слушайте меня! – Эмили поманила к окошку спешившегося извозчика. – Вот что, Гар... Эти господа не должны видеть меня, ты понял? Это крайне важно... Вы тут с Томми вдвоем... Только вдвоем. Итак. План таков: вы сейчас начнете ссориться между собой. Ты, Томми, начнешь винить Гари за то, что он перепутал дорогу и привез тебя сюда! А ты Гари, смотри – не вякни лишнего! Будешь поддакивать и нелепо оправдываться! Ты все понял?! Гар, скажи: «Я все хорошо понял»!

– Почему бы просто не развернуться и не уехать?! – Гари смотрел на Эмили и Томаса, как на умалишенных. Его безобидная реплика заставила Эмили сорваться на вопли. А Томас скорчил недовольную мину.

– Да пото... Да потому что они не должны заметить слезки! Иначе мы не уедем отсюда живыми, ужели не понимаешь! – кричала Эмили. – Если хочешь заработать свой шиллинг, то делай так, как я говорю!

И вот они разворачивают карету, чтобы повернуть обратно в город. Но экипаж Джеймса неожиданно перекрывает им дорогу поперек. Томас бросается туда, чтобы, как обычно, разобраться в ситуации по-мужски. В этот момент дверца кареты Джеймса медленно и тревожно открывается. Из нее выходит дядя Уолдри в своем угольно-черном цилиндре и таком же плаще, а за ним – и сам Джеймс. Мрачный кучер, разумеется, тоже слезает со своей кучерской лавки. Дядя молча подходит к Томасу и вспарывает ему брюхо своим огромным страшным ножом, спрятанным под полой плаща. Тогда ее колесничий Гари начинает верещать и рвется напролом со своим экипажем обратно в сторону города... В этот момент Джеймс на ходу разделяется с Гари при помощи револьвера. Гари, сраженный пулей, летит в овраг. Лошади отвязываются и убегают прочь, карета с грохотом переворачивается. А сама Эмили не может сдвинуться с места, не может вылезти из опрокинутого экипажа... А дядя заливается своим сатанинским смехом...

– Эм! – заорал Томас на ухо Эмили: она так задумалась, что не слышала, как он несколько раз обращался к ней. – Накройся! Они подъезжают!

Поправив ремень на животе, Томас выпрыгнул из кареты и подскочил к извозчику. Эмили затаилась в карете, набросив на голову шарф. Пригнувшись так, чтобы ее не было видно из окна проезжающего экипажа, она стала смотреть в щелку.

– Олух! – орал Томас во все горло. – Болван! Куда ты меня привез?!

– Сэр, если вы не довольны, я могу отвезти вас обратно в город... – предлагал Гари.

– Мне не надо в город! Мне надо туда... Эээ... Куда я тебе сказал! – заключил Томас, не зная, какие имеются достопримечательности в этих окрестностях, чтобы сослаться на них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.